

С. У. АТАЛЬЯ
АПУНКОВА

НЕВЕСТА
БЕЗ МЕСТА

Руны любви

Наталья Сапункова

Невеста без места

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сапункова Н. А.

Невеста без места / Н. А. Сапункова — «АСТ», 2017 — (Руны любви)

ISBN 978-5-17-102710-0

И не думала, не гадала княженка Велья, младшая дочь князя Велеслава, что давно она просватана по неосторожности бабушкиной в дальние земли, в проклятый род. И придется ей уехать навстречу неведомой судьбе, через леса дремучие на чужбину, в город Карияр, чтобы стать там женой одного из четырех княжичей. И все они вроде хороши, а не лучше того незнакомца, кому уже отдала она свое сердце темной купальской ночью. И верно ли, что настоящая любовь сильнее любых невзгод?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102710-0

© Сапункова Н. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Сапункова

Невеста без места

Глава 1

Сваты из Карияра

Широкие ворота княжьего двора были по позднему времени затворены, так что Велька сразу свернула к неприметной задней калитке, которая всегда открывалась приветливо, без скрипа, и впускала, какой бы ни был час. Но только своих. Надо еще нажать неприметный рычажок, и запор поднимется, и можно войти.

Калитка открылась, и девушка скользнула внутрь. Откуда-то издалека доносились голоса, а тут – тихо, темно. Цепной пес-сторож коротко пролаял и умолк – узнал. Лошади у конюшни привязаны, вроде чужие. Ну, мало ли, приехал кто!

С некоторым раскаянием Велька вспомнила, что отец, князь Велеслав Судиярыч весьма строго велел ей сидеть в Сини, на бабкином подворье, и все платье цветное у нее загодя нянька забрала. Да только когда Вельку такие мелочи смущали? Она же не Чаяна, которая, не раздевшись, и в окошко носа не покажет. Та-то настоящая княжна, а Велька вроде и нет, даром что тоже князя отцом зовет. Вот и теперь приехала в город с попутным обозом, да еще и одна – видано ли дело! Узнает батюшка – разгневается...

Сердит на нее батюшка-князь, наказал, отправил с глаз долой, а за что – и непонятно толком. Ему, значит, без дела гневаться, а ей в глуши скучать! Впрочем, она ведь не за весельем сюда вернулась, а по делу важному.

Из конюшни высунулся конюх, дядька Грын, поглядел туда-сюда, щурясь, заметил светлую Велькину фигуру:

– Кто тут? Эй!

– Да я, дядька, я...

– Княженка, что ли?! Да откуда ж ты взялась-то, в такой час? А лошадь куда дела?

В конце зимы сам князь подарил младшей дочери дивно красивую золотисто-гнедую кобылу Званку, как раз на пятнадцатилетие, Велька с тех пор только на ней и ездила. Чаяна получила такой подарок двумя годами раньше, только ее лошадка была серой в яблоках.

– В веси¹ осталась, – пояснила девушка. – Я ненадолго сюда, мне б только на ярмарке побывать.

– Пешком шла?! – поразился недогадливый конюх.

– Какой пешком, с обозом проходящим. А кто у нас тут? – она показала на чужих лошадей, имея в виду, понятно, их хозяев.

– Так сваты. За княжной, сестрицей твоей.

– Сестру сватают? – ахнула Велька. – И кто же?

Новость была, конечно, знатная. Только ведь, раз такое дело, тем более ей надо дома быть!

– Так из Лесного Края, – пояснил дядька Грын. – Ты бы, княженка, в палатах и поспрашивала, там лучше ответят. Только в заднюю дверь иди.

– Знаю, – буркнула Велька и направилась было к дому, но вдруг остановилась, ойкнув: путь ей преградила незнакомая, внушительных размеров лохматая псина, выступившая откуда-то из тени.

Ну и псина – чудовище! Луна светила ярко, позволила сполна разглядеть и испугаться.

– Это что еще?! – в сердцах воскликнула девушка, пятась. – Чья такая?

– Так их... гостей, – конюх подошел, потрясая палкой. – Кобель этот, вишь, какой, и медведя небось завалит. Глазищами вон как сверкает. Разводят таких, вишь, в том Лесном Краю.

Никогда не виданный пес глухо зарычал, отчего Вельке стало не по себе. И впрямь, место темное, уединенное, такой зверь с ними двумя управится и не моргнет, чего его палкой дразнить? Злить только.

– Батюшке твоему, князю, уж как понравился зверюга, – сообщил Грын, – может, ему и подарят?

– Вот этого не хватало, – дернула плечом Велька, – страх какой. Обойти, что ли? По задам, за конюшнями.

И только она собралась исполнить задуманное, как пес, тихо рыкнув напоследок, развернулся и побежал прочь.

– Вот умница, – вздохнула девушка. – Хороший. Понял все, – и побежала к дому, избегая смотреть по сторонам.

Задняя дверь впустила ее, не скрипнув, дальше – ступени вниз и короткий коридор, и вот она, кухня. Тихо там было и пусто, как и ожидалось. Это если бы пировал князь-батюшка, гостей угощал, то в кухне и по сей час дым бы стоял коромыслом, да сегодня нельзя пиры на всю ночь закатывать. Купала² завтра, большой праздник и бессонная ночь, сегодня людям выспаться надобно. И холопа³ последнего самый строгий хозяин в эту ночь работать не заставит, чтобы богов и чуров не гневить. Ну да пока еще час не самый поздний...

Велька только хотела взвару⁴ себе налить, а пироги свежие всегда найдутся – когда это у них в кухне пирогов не бывало? Конечно, можно подняться к себе в светелку, да первую же чернавку кликнуть, да сказать только – и всего принесут, но ведь и матушке-княгине тут же доложат, и батюшка-князь сразу прознает, что опять его ослушалась нравная младшая дочка. Может, он и так узнает, завтра, когда Велька с делами управится. Так-то ладно, пускай. Тогда можно.

---

¹ *Весь* – деревня, село (Здесь и далее прим. автора).

² *Купала* – славянский праздник.

³ *Холоп* – раб, лично не свободный человек, постоянно или временно (в счет отработки долга, например).

⁴ *Взвар* – отвар из фруктов; то, что мы теперь чаще называем компотом.

Взвар сегодня варили ягодный, с толикой прошлогодних сушеных яблок, а пироги под льняной холстиной нашлись с мясом и тоже с ягодами. Девушка отхватила себе немалый кус того, что с мясом, – проголодалась за день. А что за ворчание в дверях?

Она обернулась – снова тот пес! Смотрит на нее, облизнулся даже. Ну, нахал!

Страшный с виду, так и что с того? Глаза вон умные какие...

– Пирога хочешь? – спросила Велька. – Вкусный! Погоди, сейчас погляжу, может, и костей тебе найду.

И точно, в большом горшке в печи томилось мясо. Она без раздумий подцепила приличного размера кусок, скорее это было мясо с костью, чем кость с мясом. Примостила мясо на кусок пирога, кивнула псу:

– Пошли, лохматый, угощу на славу. А то еще увидят тебя тут, не обрадуются, вот помани мое слово.

За такое самоуправство – мясо из горшка таскать – кухарка бы рассердилась, ну да ладно. Все же неплохо быть княжьей дочкой.

Пес, умница такой, послушно пошел следом за Велькой, а когда она присела на крылечко, лег в ногах. Пирог осторожно взял прямо из рук, а мясо она остереглась сразу давать, подождала, пока остынет, – нельзя ведь собакам горячее.

– Ну надо же, ты такой страх лохматый, а я тебя совсем не боюсь, – сообщила она псу, поглаживая его по загривку.

И правда не боялась, хоть руку в пасть засунуть – не укусит, видно же, что ученый, умный.

– Будем дружить? – забавляясь, спросила Велька, и пес в ответ тихо рыкнул, словно согласился.

– Вот и договорились! – обрадовалась она, потрепала зверя по лохматой шее. – А ты чей, интересно мне? Это не твой хозяин мою сестру Чаяну сватать приехал? А кто же он? Эх, жалко, песик, говорить не умеешь. Ладно уж, и без тебя узнаю. А батюшка-князь мне отчего-то не велел дома быть. Ну ладно, не велел, и не буду, схожу завтра с утра на ярмарку и уеду, что я тут не видала? Правда, Купала завтра, так что я бы и осталась, – она грустно вздохнула. – Может, и позволят, как считаешь?

Пес опять заворчал, как показалось, недовольно. Но это было Велькиным чувствам созвучно, так что она опять принялась его гладить. Зверю ласка явно нравилась.

И верно ведь, Веля даже не поняла, в чем виновата, а ее, как есть, прогнали из Верилога под самый праздник. Просто батюшка был не в духе. Но чтобы меньшей княжны не было в купальском хороводе? Нельзя ведь так! И хоть в Сини-веси тоже будут и костры жечь, и хороводы водить, ведь это не сравнить с вериложским гуляньем! Или у княгини попросить заступы? Она может помочь. Хоть княгиня Вельке не мать, и вовсе ее, падчерицу, не любит и любить не станет, но она не злая и зря не обижает. Или все же поговорить с отцом?..

Пес тем временем как ни в чем не бывало положил голову Вельке на колени, та возражать не стала. Удивлялась только – надо же, не пес прямо, а телок ласковый.

– Смешной ты, – пропела она, теребя вислые песьи уши, – может, и мухи не обидишь? Нападет на нас тать, кто кого защищать станет, ты меня или я тебя?

Пес тут же поднял голову и недовольно рявкнул – совершенно точно обиделся.

– Ладно, ладно, прости! Умный ты, вижу, все понимаешь, – рассмеялась Веля, легонько оттолкнула от себя собаку и встала, отряхнув понева⁵ от приставших крошек. – Иди к хозяину. А мы – друзья, да? Договорились? Значит, еще свидимся.

А пес вдруг насторожился, повернув голову, словно прислушивался. И верно, с той стороны из-за угла вывернул рослый молодец, остановился, приглядываясь к ним, и воскликнул:

---

⁵ *Понева* – распашная юбка из двух-трех (или сколько нужно) полотнищ, надевается поверх рубахи, затягивается пояском (гашиком).

– Ах ты, тать лохматый, обыскался я тебя!

Пес в ответ заворчал тихонько, но как-то неласково. А пришедший парень рассмеялся и мирно предложил:

– Ладно тебе. Пойдем уже, а?

Тут он обратил наконец внимание и на девушку, подошел ближе, сразу позабыв про собаку, и разглядывал теперь только ее.

– Ишь какая! – хмыкнул он, протягивая руку, словно девушку не рассмотреть было, не потрогав. – Челядинка здешняя, да? Где же была, что я пока тебя не замечал?

Веля отступила на шаг, а на языке у нее уже завертелась колкость насчет того, сколько челядинок тут уже разглядел гость дорогой. Вдруг пес рывкнул так, что у нее невольно спина похолодела. Парень руку убрал и улыбнулся.

– Да не огрызайся, Волкобой. Мы тебя обыскались, а ты тут за девками ухлестываешь – кто же знал?

Пес опять недовольно заворчал, похоже, к новой знакомице он относился благодушной, чем к парню. Пользуясь этим, Велька погладила зверя по голове, а сама пока рассматривала парня. Тот был симпатичный, даже, прямо скажем, красивый, с правильными чертами лица, рослый, широкоплечий. И одет богато – в шелковую рубаху, широкий пояс поверх с блестящими бляхами. И гривна поверх рубахи. Боярин? Кто-то из жениховой свиты? Вот еще не хватало...

Но кругом была душистая, теплая летняя ночь, и парень, кто бы он ни был, ближе не подойдет – пес не пустит, и вообще, они, должно быть, и вовсе больше не увидятся никогда. И она позволила себе небольшое баловство – поболтать. Рассмеялась, продолжая гладить пса, и поинтересовалась:

– Он, гляжу, девок любит, да?

– Как тут возразишь? – весело поддержал незнакомец. – Давно замечаю, что их он любит страсть как!

– И зовут его Волкобой? Много он волков побил?

– Да как сказать. Волки его, красотка, опасаются, близко не подходят. Так что он, может, и побил бы, да поди их еще поймай! Ты проводила бы нас, милая, до гостевого терема, видишь, не идет он что-то ко мне, не хочет. Уважь, помоги, а я князю тебя похвалю, хочешь?

– Не хочу! – Веля даже немного испугалась такого предложения. – Не говори вовсе про меня князю, очень прошу! Волкобой, вижу, не твой. А чей же?

– Да он больше боярина нашего, Миряты Веденича. А вообще, так и не скажешь чей. Поможешь?

– Помогу, – Веля хотела уже взяться за широкий кожаный ошейник, но внезапно передумала и лишь похлопала пса по лохматой спине, – пошли, хороший, видишь, ждут тебя. Пошли? – и пес, опять зачем-то ворча, двинулся чуть впереди нее, без понуканий зная, куда идти.

– Ой, какой он замечательный! – не удержалась, шепнула Велька спутнику.

Тот шел рядом, улыбался, не без удовольствия поглядывал на девушку.

– А ты ничего, – сказал он тихонько, почти шепотом, – княжна ваша, конечно, диво, да только она такая, что дохнуть в ее сторону страшно. А ты, вон... теплая, красивая, как само солнышко. Видишь, и в потемках мимо не пройдешь! Может, с княжной твоей и тебя отпустят на нашу сторону? Меня Ириней зовут, а тебя как?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – буркнула Велька. – Не сердись, боярин, не надо тебе со мной знакомиться, потому как вряд ли еще свидимся. Здравствовать тебе, вон уже гостевой терем, а мне дальше, – и она резво побежала вдоль стены, увернувшись от парня, который ринулся было ее задержать.

Да где ему! К тому же собака прямо под ногами оказалась, помешала.

– Ну гляди, белка прыткая, завтра на Купале попадешься мне! – крикнул он вслед.

А пес гавкнул, негромко, но внушительно и словно как-то одобрительно. И Вельке показалось, что это он с ней так попрощался.

Она заскочила в тесные задние сенцы, дверь прикрыла и еще засов задвинула. Ну, вот и хорошо. Завтра боярин Ириной про нее и не вспомнит. Как будто у него тут других дел нету. На Купале поймает – как же! Ловили уже всякие, да что-то никто пока не похвалялся, что поймал.

В сенцах на лежанке уже посапывали две девки-челядинки, одна пошевелилась, сонно взглянула на княжью дочку, пробормотала:

– Княженка, ты? Надобно чего?

– Тихо ты, спи себе, нет меня тут, – шикнула на нее Велька.

Она живо пробежала коридором, поднялась по лесенке наверх, в горницы. Толкнула сестрину дверь.

Княжна Чайна сидела на лежанке в одной рубаше, задумчиво перебирала снятые янтарные бусы, глядя куда-то в темный угол. Веля на всякий случай тоже туда глянула – как есть пусто. Хотя свечи оплывшие так мигают, что и почудиться может всякое.

– Чайна, сестричка, – тихонько окликнула она, неловко улыбнувшись, – что ты? Почему такая? Неужели жених нехорош?

– Ты? – Чайна вздрогнула, подняла голову. – Ох, Велюшка, – она быстро встала, уронив бусы, шагнула к ней, порывисто обняла, всхлипнула, – хоть в омут мне, Велюшка милая. А деваться некуда.

– Да ты что? – ужаснулась Велька. – Какой омут, опомнись! Он, жених, урод хромой и старый, что ли? Или чем не люб? И отдают тебя? Не верится...

– Глупая ты, – Чайна усмехнулась, – княжон отдадут не за того, кто люб, а за кого надобно. Я готова была. Но не за проклятого же!

– Чего? – озадачилась Велька.

– Что, про проклятых князей не слышала? Из Карияра? – Чайна отстранилась, ладонями вытерла слезы. – Да, тех самых. Вот туда меня и заберут. В проклятый род, Веля. Им никто невест не дает, вот добыли меня, силой да обманом. Отец отказать не может!

Веля затрясла головой, не в силах сразу в такое вникнуть.

– Так не старый и не урод, значит? Ой, а нянька говорила, что проклятые князья из Карияра с рогами все! – Она в сердцах стукнула себя по губам. – Да это вранье, поди!

– Вранье, – Чайна не удержалась, улыбнулась, – тут четверо княжичей, и все без рогов. Они без шапок ходят, так что это видно. И не уроды вовсе.

– Четверо? А жених-то как тебе?

– Да не знаю я, в том-то и дело! Кто-то из четверых, который старший у них! Говорят, это я потом узнаю, в Карияре уже. У них-де обычай такой! Каково?! – Чайна подняла упавшие бусы, неловко дернула, и вся нить янтарным градом осыпалась на пол.

Сестра ахнула, всплеснула руками, кинулась было подбирать, но вместо этого, упав на колени перед лежанкой, разразилась горькими рыданиями.

– Чайнка, ну ты чего? – кинулась к ней Велька, крепко обняла, стала гладить вздрагивающие плечи. – Раз не видно проклятье, может, оно и пустяковое какое? Или вовсе его не хочешь – не заметишь? Может, оно в том, что жених твой чихает на вечерней заре, как кузнец Ненеля, после того как его ягушка зачаровала? А? А ты убиваешься. Сама же говоришь, что все парни красивые, вот и ладно, чего лучше!

Не то чтобы она так думала. Для нее самой смотреть на четверых женихов и не знать, за кого из них придется замуж идти, причем подневольно, – да ну к кикиморам такую неизвестность!

Чайна задышала спокойнее, вытерла зареванное лицо рукавом рубашки.

– Ох, дуреха ты, Велька, – сказала она, – им же в наказание проклятье досталось, и говорят, что оно страшное, а ты – чихать на заре! Нашла с чем сравнить. Оно от старшего к старшему передается, и три раза по семь поколений его нести будут. И мой первенец, значит, тоже. Злое проклятье, это точно известно! А какое, они скрывают, никто не знает, кроме самых близких. И невесты их не знают ничего, пока женами не станут!

– Злое, да неизвестно какое. Вот и нечего зазря тужить, еще и заране! – проворчала Велька, принявшись собирать в ладонь янтарные бусины. – Небошь княгини у них, у карьерских князей, живут не тужат! – продолжала она горячо и уверенно. – Это если бы было такое проклятье, чтоб у их князя каждая жена первыми родами помирала, тогда да, есть о чем поплакать! И невест им не давать само собой! А так – чего? Пусть они там, князья карьерские, со своим проклятием сами справляются! Жениться им это проклятье, видно, не мешает!

Следовало ведь сестру утешить, хоть перво-наперво. А там и видно будет. Конечно, не с каждым проклятым хорошо ужиться можно, бабка вот, волхва Аленья, такое рассказывала, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Да хотя бы про одного витязя княжеского рода, который от двенадцати лет каждую ночь в чудовище жуткое превращался, а как оженили его, все жену молодую покусать норовил. Днем-то ходил молодцем, а чуть солнце закатится, и превращался в чудовище, на большой замок железный его только запирать. А все потому, что его матушка-княгиня волхву одну могучую сильно разозлила.

Уж как-то так устроено в мире, что больше всего зла волшебного князьям достается, простым людям куда как реже. И бабка говорила, что это правильно. Кому много дано, с того много и спрашивается. И княжеские дочки, даром что в шелках-аксамитах ходят, а понадобится князю откупиться от зла какого для государства или мир скрепить – на это дочки и есть. У княжны не спрашивают, кто ей мил, идет за кого надобно, а если отмерит ей счастья Матушка Макошь, так то ее особая милость. И жертва богам если нужна, то и на это княжеская дочка стодится лучше прочих, потому как цена ей дороже, чем любой другой девке. Велька, правда, что-то не припоминала, чтобы княжон на самом деле богам жертвовали, так, всерьез, не по-праздничному, а чтобы жизни лишить – видно, то совсем уж в стародавние времена случалось. Но бабка любила внучку попугать, про всякие страсти рассказывала частенько, когда долгими вечерами у огня поговорить садились. Однако отдала же она дочку свою Заринью, Велину матушку, князю в меньшицы, и вено⁶ взяла, все чин-чином. А жить зато на княжий двор не пустила, и батюшка Велеслав Судиярыч с тем согласился...

Чаяна сестру слушала, задумчиво мотая на палец кончик косы.

– Ты так считаешь? – обронила она со вздохом. – Может, и впрямь. А не пойдешь ли на мое место? Все приданое отдала бы, все что захочешь.

– Разве меня звали? – со смешком уточнила Веля. – Сама знаешь, нас рядом поставь да вели выбирать – мне и твое приданое не поможет!

– Дуреха ты, – так же задумчиво покачала головой Чаяна, и улыбка на ее губах мелькнула горькая, – кто из нас станет выбирать, тому не я и не ты, а приданое мое и надобно! Ну и звание княжеское, а ты чем не княжна?

– Крови высокой, что ты от матушки получила, мне не перельешь вместе с твоим приданным, – заметила Веля. – А она женихам твоим тоже очень желательна. И меня здесь княжной не зовут, тебя только.

– Брось, – махнула рукой Чаяна, – не зовут, скажешь! Вот уеду я – поглядишь, единственной останешься, батюшка и женихов перебирать начнет, и будешь ты для всех желанней некуда. Это мне такая доля горемычная выпала, что родиться не успела, а уже в невесты к проклятым попала. Да-да, – закивала она, потому что Веля собралась уже удивиться и возразить, – тогда это и случилось. Не говорили нам, потому что батюшка все откупиться хотел от карьер-

---

⁶ Вено – выкуп.

цев, да те ни в какую. А вот ты, сестричка... на себя погляди-ка! – вдруг встрепенулась она, – что на тебе за отрепье? Хуже чернавки оделась, как будто тебе не во что! Хорошо, матушка с батюшкой не видят!

– Вот и ладно, – рассмеялась Веля, поднимаясь с колен и высыпая из ладони на сестрино одеяло янтарные бусины, – раз ты мой наряд заметила и ругаешься, значит, полегчало тебе, больше не грустишь, сестрица милая!

И тут как раз дверь тихонько открылась, и матушка-княгиня Дарица Стояновна шагнула в горенку. Она слышала часть разговора и не могла не признать, что падчерица говорила правильные вещи.

Княгиня поглядела на встрепенувшихся девушек, усмехнулась чему-то своему, вслух сказала другое:

– Хороши же вы обе. Одна в слезах и соплях, другая и впрямь чернавка чернавкой. Ладно-ладно, Велья, знаю, что тебе так и велено. А тебе, Чаяна, плакать полагается, с девичьей жизнью прощаться. Все, получается, правильно, все так и надо, дочки князя вериложского! – и даже не понять было, сердится ли княгиня-матушка.

Она пришла сюда посидеть со своей дочкой, приголубить, сказать, чтобы не тужила зря да спать ложилась. А уж она, мать, постарается, очень постарается, распутает эту кудель, насколько можно ее распутать.

Ох, не многое теперь могла княгиня, вот как не могла вовсе отказать нежеланным сватам. Если бы при ней все решалось, тогда все иначе было бы. Над дочками материнская власть всегда впереди отцовской, и всякий, кто богов чтит, не перечил бы. Но что муж сладил, ей уже не разлаживать. Теперь карьерцам отказать нельзя, но и соглашаться ведь не на все можно!

Падчерицу княгиня не ожидала увидеть в дочкиной светелке и не обрадовалась ей. Просто потому, что та была сейчас как никогда чужой, посторонней их беде. Дочь другой жены, которую не увезут за темные леса, тут она останется отцу на радость, в то время как ее Чаяну, любимую и чаянную, умницу и красавицу, увезут. Беспокоило княгиню неизвестное проклятье. И избежать беды один способ есть, спасибо волхве, надоумила...

Княгиня села на лежанку, небрежно подвинув рукой в сторону кучку драгоценного янтаря, Чаяна тут же пристроилась у ее ног на низкой скамеечке, спросила, норовя заглянуть в глаза:

– Матушка! А когда ехать, решено уже?

– Как только, так и сразу, – уронила княгиня, ласково погладив дочь по гладким, как шелк, волосам, и посмотрела на падчерицу, – сядь, Велья, не стой. Раз уж ты тут... что поделаешь. Слово отцовское тебе не указ, значит, а жаль. Он о тебе печется, оттого и услал из города. А ты думала отчего?

Лицо Вельки, которая тут же пристроилась на кошке рядом с сестрой, осветилось любопытством, а вот раскаяния там была разве только малая толика.

Попалась княгине? Это ничего. Гневаться, сапогами топать, как отец, матушка не станет. С ней, при нужде, и договориться можно.

– Думала, да не придумала ничего, матушка, а что батюшка заботится, так знаю, конечно, – она опустила глаза, – мне только утром на ярмарке побывать, матушка. Привезти мне кое-что должен один купец, он тут уже, в городе, я узнала. Средство редкое, он бабке Аленьке еще возил, надежный человек. Заберу, и с обозом обратно, вечером на месте буду.

– Куда – обратно? В Синь свою? В такую даль? А не успеешь добраться, будешь Купалу справлять незнамо где и с кем? Хорошо это разве? – княгиня со вздохом пригласила и растрепанные пряди падчерицы. – Ты княжеская дочь! Горе мое горькое. Как отпустили-то тебя, сбежала?

– Меня не стерегут, матушка. Так и при бабке было.

В порядки на Аленьиной болотной усадьбе княгиня и раньше не мешалась, и нынче вроде ни к чему.

– Даже не думай обратно ехать, – строго сказала она. – Здесь пойдешь на гулянье, как полагается. А пока приоденься, но сиди у себя, во двор и носа не высывай. Отцу твоему... потом скажем.

Да, лучше потом. Этим вечером князюшка не в духе был. Допоздна сидел с приехавшими боярами, медом хмельным их поил да о чем-то переговаривал, а о чем – кто ж знает...

– Матушка, мне на ярмарку надо, говорю же, – упрямо тряхнула головой Веля, – не выкуплю товар, больше у меня заказа не возьмут. Издалека ведь везли.

– Тебе бы о другом беспокоиться. Приданое себе шить. Может, и за тобой уже сваты едут, – скорее для порядка сказала княгиня, нахмутив свои красивые, ровными дугами черные брови. – А за товаром сходи, что ж. Я велю, тебя проводят. Что за диво заказала?

Внучке старой Аленьи в том, что касалось ведовских дел, обычно не перечили. Да и зачем? Сильная волхва была бабка, и почитали ее крепко. И что внучку кое-чему научила – хорошо, умеющая лечить и заговаривать повсюду дороже всякого золота ценится.

– Кору дерева одного, матушка, – с готовностью ответила Велька. – Далеко растет, за морем. И масло из него же.

– А для чего это надобно?

– Ничего лучше жар из ран не вытягивает. По бабкиному рецепту зелье варить буду. Пока сваты едут, глядишь, успею... – добавила, не удержалась, стрельнув лукавым взглядом.

– Доброе зелье, значит, – кивнула княгиня, улыбнувшись шутке, – зови купца сюда, здесь с ним и говори, казначей расплатится, может, и еще чего прикупит. Вот как Чаяна делает. И купцу честь, и тебе ни к чему самой по торговым рядам бродить. Лекарские умения – это хорошо.

– Да, матушка, – наклонила голову Веля, – я поняла.

И тут же подумала, что сестрица Чаяна и сама иной раз не прочь пройтись по веселой ярмарке, по рядам, с подружками-боярышнями, с мамками, с девками, с отцовскими кметями⁷ для охраны – как же иначе из ворот выпустить эту лебедь белую? Шум, гам, кто бежит поглазеть, кто прочь сломя голову. Лучше уж она сама, потихоньку.

Княгиня видела упрямо сжатые губы падчерицы и даже не усомнилась – по-своему девчонка сделает. Ну, боги с ней. Лишь бы без шума. И сразу, как кончится праздник, пусть отправляется на свои болота, от греха, пока сваты с Чаянкой не уедут. Нет, поменять их местами, как вот дочка в шутку предлагала, это счастье было бы, и никакого приданого не жаль. Только ведь невозможно это, не выйдет ничего! А еще и Вельку за так потерять нельзя, ею можно будет с толком распорядиться. Княжеская дочь, хоть и от меньшицы безродной. Дарица ведь не только матерью была, но и вериложской княгиней.

– Матушка, ты говоришь, отец меня бережет. А от чего? – спросила Велька.

Княгиня помедлила, обдумывая осторожный ответ. Сказала:

– Оттого бережет, что он когда-то кириярцам всех своих дочек пообещал. Сгоряча. Не хотел он, оговорился ненароком, да слово не воробей! Тогда ведь и Чаяна еще не родилась, хотя был знак, что дочку ждем. А о других дочках и не помышляли. Кариярцы, похоже, о тебе до сих пор не знают, вот пусть и дальше так будет. Зачем вам двоим в один род уходить? Не маленькие, понимать должны.

Девушки переглянулись. Для них как раз это было бы неплохо, если на чужбину, так вместе. Простых девок так и отдают, княжон – нет. Конечно, понимают они, не маленькие.

– Спать ложитесь, – княгиня тяжело поднялась, – утро вечера мудренее.

---

⁷ Кметь – рядовой воин, член боевой дружины.

Она устала не меньше прочих за долгий и хлопотный день. Уже в дверях услышала, как Велька предложила Чайне:

– С тобой остаться? А то еще снова плакать начнешь.

– Оставайся, – сразу согласилась та.

Вот и хорошо, вот и ладно. Хорошая девчонка родилась у князя от меньшицы с болота, разумная. Ее бы не страшно было отправлять за сорок лесов и за девять гор, и к тамошним волхвам огневым и ветряным, и к колдунам берендеевым с оборотневыми ведьмами вместе! Что с ней там сделается, с огневой волхвы внучкой! С тех пор как бабка ее пришла да поселилась в Сини на болотах, окрестные леса ни разу не горели, и земля под ними тоже, а земля там горячая как нигде. И руду болотную бабка поднимала. Со всей Сини ей подношения несли. Некоторые, говорили, на подходе к усадьбе кланяться начинали, как будто это богово капище. Захоти эта волхва для дочери высокой доли – неизвестно, хозяйничала бы еще княгиня Дарица Стояновна в своих вериложских княжеских хоромах. Так нет же, ничего такого старуха не захотела. Поклон ей за это.

Муж, князь Велеслав, ее, Дарицы, стена каменная, от всех невзгод! В нынешней беде он один и виноват. На большом пиру в честь победы над Степью, напившись медов, и мудрый человек способен глупостей натворить, а был ли таким уж мудрым князюшка в молодые свои годы, когда старшие сыновья пешком под стол ходили, а дочку Чайнку ожидали со дня на день? Сказаны были слова, и все их слышали! Что же теперь...

А сколько слез пролила Дарица, когда девочка эта, Велья, родилась. И еще раньше, как положил князь Велеслав глаз на красавицу с болота. Была Дарица княгиней, любимой и единственной, троих детей родила, а тут – другая! Кому не будет больно, обидно? Толку-то. Муж в своем праве. Можно быть разумной, высокомерной, холодной, бесстрастной – на людях, а от своей подушки как боль скрыть? Время прошло, притерпелась. И не привез князь в Вериллог свою меньшицу и ее дочь, вот и хорошо. Глаза не видят, и на душе легче. А потом, когда умерли и меньшица, и ее мать-волхва, и Велья появилась в хоромах, княгиня Дарица приняла ее как дочь, своим платком ей плечи укрыла, материнские обязанности на ней теперь.

Велья... Имя-то какое, словно птичье. Чужое. По своему роду назвала волхва внучку, и отец-князь согласился. Мать, говорят, была красавицей. Княгиня ее так и не увидела ни разу, хоть и любопытно было. Сдержалась. Побольше высокомерия, стужи в глазах – что ей неведомая девка с болота, с собой равнять? Будто мало их, что князю всегда улыбнуться готовы. Таких пусть хоть десяток, все равно княгиня – она одна.

Какая бы раскрасавица ни была Аленьина дочь, Велье, видно, материной красоты неописуемой не отсыпалось. Эта больше в отца пошла лицом, нянька старая твердит, что на бабку свою, Велеславову матушку, сильно похожа. Что ж, личико милое, пожалуй, но и только. Волосы вот материны вроде бы, с рыжиной, не Чайнин янтарный шелк, а жестче и кольцами завиваются, распушит косу – как водопад буйный по спине, когда вода на камнях да порогах играет. Неплоха девка, если одеть как следует, тогда кому хочешь показать не стыдно.

Неплоха, да. Но с Чайной ее не равнять. Дочка всем пошла в княгинину родню: ростом высокая, в талии тонкая, в бедрах пышная, лицом белая, брови тонкие, ровные, соболиной черноты, от длинных ресниц на щеках тень лежит, глаза цветом как грозовая туча, а лицо, должно быть, как у самой Лели Прекрасной⁸ – краше и представить-то трудно. Может, Леля и краше, да кто ее видал? Ходит княжна, как лебедушка плывет, а коса-то – загляденье, почти до колен, и цветом, как янтарь, в котором солнышко играет, или как первый летний мед, в такой косе что хрусталь, что жемчуг богатством не кажутся, и без них не хуже.

Слишком она хороша для кариярцев, те, наверное, в своих лесах такой красоты до сих пор и не видали. А придется отдавать, ничего не поделаешь.

---

⁸ Леля – богиня весны, дочь богини красоты, любви и плодородия Лады.

Перед смертью старая Аленья князя к себе позвала и просила непременно внучку замуж выдать, как только в пору войдет, причем в дальние земли не везти. Почему беспокоилась, спрашивается?

Князь, конечно, обещал. Тоже, стало быть, пора...

Глава 2

Волки

Утром Велька проснулась раньше Чаяны, но вовсе не рано. Не как дома, в Сини, где все вставали на рассвете. В отцовских хоромах были иные порядки, и Велька поначалу маялась, не зная, куда себя деть в самые первые часы, когда поднималась только челядь, когда на кухне начинали греметь посудой, топили печи, заводили хлеб и ставили в угольный жар утреннюю кашу, доили коров на скотном дворе. Тенью скользила по клетям, отдавая скупые распоряжения, княгинина ключница...

Это все дела не господские, господам вставать – только мешать. Приходилось браться за прялку, такая работа всегда выручала.

Чаяна спала, чему-то улыбалась. Перед сном они болтали, о своем, о девичьем, отвлеклись от тревог, и спалось обоим сладко, снов дурных про страшных проклятых женихов не снилось. И это правильно, ведь завтра Купала, такой день, когда о чем другом и думать не хочется, только о купальских кострах, о том, как покатится с косогора в реку огненное колесо, как они, девки, разбегутся по лесу в белых русальих рубахах – догони-ка! У Чаяны это последняя ее девичья Купала, последняя русалья рубаха...

Велька выскользнула из-под легкого одеяла, сладко потянулась, принялась переплетать косу. Горничные сюда уже спозаранку наведались, разложили наряды, отдельно для нее, отдельно для старшей княжны. Обоим – тонкие, беленые нижние сорочки, расшитые обережными узорами, целиком шелковые верхицы цвета жирных сливок с широким, шелковым с золотым шитьем по подолу, одинаковые поневы из желто-коричневого шелка с девичьей каймой, ярко-красные шелковые пояски. Богатые наряды, княжеские, для Чаяны чуть богаче. И шкапулку ей принесли, вот стоит, на столе у изголовья, с драгоценными украшениями. Не с теми, что она всегда носит, что-то особенное, должно быть. И это правильно, она же невеста, ей с гостями за столом сидеть, а Вельку позовут ли за столы вообще – пока непонятно. Нет, в другое время и она бы там сидела, с сестрой и боярынями, слева от княгини Дарицы, но сегодня ей вроде велено носа из горниц не высовывать. И отец пока не знает, что она тут. И лучше бы вовсе не узнал. Ну да ладно, там видно будет.

Между тем медлить не следовало. С утра пораньше проще ускользнуть со двора и вернуться проще, нежели когда все окончательно пробудятся. А купец, конечно, ждет ее уже. День сегодня особый, ярмарка лишь до полудня. Купала – праздник ночной, но обряды его начинаются после полудня, когда покатится вниз батюшка-солнышко.

Из сестриной горницы Велька ушла, одетая по-вчерашнему, в простую одежду. Перебежала нелюдный пока двор – никто даже вслед не посмотрел. Выскользнула в ту же калитку за конюшнями и дальше пошла чинно, не спеша. До торга идти было недолго.

Вокруг палатки ливского купца пахло пряно и остро. Покупатели тут не толпились. Не понимал здешний народ прелести иноземных пахучих травок, да еще и за серебро-золото, когда свои растут в изобилии, рви не хочу. Но, само собой, не в убыток себе купчина ездил в такую даль, раскупали его товар, не спеша, малой меркой, да за немалые денежки. А был еще у него такой товар, что не всякому и предлагался.

Вельке ливец улыбнулся приветливо, закивал, махнул рукой – подожди, дескать. Он обхаживал других покупателей, показывал им что-то, уложенное в простенький деревянный ларчик, причем лица у покупателей были заинтересованные, мало не сказать – восторженные. Разглядев лучше те лица, Велька живо выпрыгнула из палатки, потому что узнала боярина, виденного как-то у отца. Боярин в Верилоге бывал наездами, но Вельку тоже видал и мог бы узнать и очень удивиться!

Ничего, она подождет. Велька вытерла об рубаху вспотевшие ладони и замерла, вдруг столкнувшись с дерзким, настойчивым взглядом одного из странно одетых мужчин, стоявших неподалеку. Тот толкнул локтем соседа, сосед – другого, и теперь уже трое они, переглядываясь, рассматривали Вельку. И это было нехорошо, тревожно, в груди у девушки шевельнулся холодный комочек. Да, нехорошо...

Между тем как до сих пор все у Вельки было хорошо и ладно. Да и теперь чего бояться? Ярмарка, людное место. Не такое еще людное, как будет вскоре, но и пустынным его уже не назовешь. Стража вон там, близко, крикнуть – услышат. Да только чего кричать, ее никто не трогает, смотрят только. Интересно, что за люди? Почему сердечко затрепетало?..

Один медленно двинулся к ней, остальные, чуть помедлив, следом, и вот они уже стояли, окружив Вельку со всех сторон. Но вход в палатку близко, и спрятаться там она по-прежнему может. Только чего прятаться?..

Этот, первый, глаз не сводил с Вельки. С берегов на ее груди. Половина берегов – бабкины, от нее остались, Велька и носит...

Первый сказал что-то на непонятном языке, обращаясь явно к ней. Велька покачала головой.

– Не понимаю, добрый человек.

– Кто твой хозяин, девушка? – повторил он на понятном, здешнем языке. – С кем потолковать о тебе?

Говорил он свободно, но не очень чисто, немного по-чуждому слова выговаривал. Оно и видно, что из дальних земель человек.

– Нет у меня хозяев, с чего ты взял? – ответила Велька, подавив невольную дрожь в коленках. – Разве только родной батюшка, да о чем тебе с ним говорить?

– Ты права, говорить не о чем, – согласился тот, улыбаясь, – поедем так с нами. Подарок тебе купим, наряд новый цветной – хочешь? Лент шелковых – хочешь? Ожерелье из сердолика, самое лучшее – хочешь?

– Не хочу! – Велька вздернула подбородок и попятилась. – И слушать такие речи не хочу тоже, прости, добрый человек...

Шум поднимать на рынке Вельке ох как не хотелось. Прятаться в шатре, пока не ушел боярин, – тоже.

Этот по возрасту вроде был из троих старший и одет богаче. Хотя все они казались людьми небедными, в цветных рубахах, малость непривычно скроенных и расшитых непонятными Вельке узорами, в широких, увешанных бляхами поясах, в шерстяных плащах, буро-красных, все – при мечях, и обручья с цветными камнями у каждого. Волосы у всех были черные с рыжиной, а глаза – как орех лесной. Конечно, они родичи, может, братья родные...

– Скажи свое имя, девушка, – велел он.

Не попросил, а именно велел. Да что же они привязались, в самом деле?

– Ни к чему вам мое имя знать, – сказала она с досадой, – идите себе по своим делам, люди добрые, а то ведь закричу, стражу позову. Будете отцу моему за обиду платить. У нас такое не пускают...

– Нет, погоди, – мягко перебил ее чужак, – не кричи. Мы же не тати какие. Мы торговые люди, все делаем честно. Отведи нас к твоему отцу, мы будем с ним говорить и хорошо платить ему за тебя. Ты мне понравилась, хочу взять тебя в жены и дать хороший закуп... вено, да, так у вас говорят? Я заплачу вено серебром, твой отец будет доволен. Мы не тати, мы честные люди.

Ох ты ж! Один взгляд бросил – и понравилась, да так, что прямо в жены! Хоть плачь, хоть смейся. Да и верить ли?..

– Отец меня уже сговорил, – соврала Велька, – и девок у нас тут что берез в роще, и все лучше меня, ты оглянись только! А меня оставь, не про тебя я!

– Твой отец, похоже, человек бедный, – не отставал несносный чужеземец. – Я ему хорошо заплачу, и он станет богаче.

Как ветер быстрый мимо веет, так твои глаза мимо глядят, Как солнце красное мимо светит, так глаза твои мимо глядят, Как птица мимо летит, так глаза твои все мимо меня видят...

Припомнила Велька простенький заговор. Бабка Аленья учила и таким заговорам, да только трудно отвести глаза троим сразу, это опытной ведьме по силам. Если бы, как только этих троих увидела, сразу сообразила глаза им отводить, тогда, может, и удалось бы.

Все же Велька сосредоточилась и протвердила про себя заветные слова. И, удивительное дело, взгляд «жениха» скользнул в сторону. Но один из его родичей шагнул к ней и схватил за руку, больно сжал:

– Ты... идешь с нами. Зовут как?

– Нет! – Велька дернулась, стараясь вырваться, быстро оглянулась – стражи было что-то не видно.

И тут... Черный лохматый зверь вынесся из-за палатки и, замерев лишь на мгновение, прыгнул, сбив с ног чужака, который Велькину руку уже отпустил и отшатнулся, чуть раньше заведя нежданного защитника. Волкобой, пес вчерашний, и откуда только взялся...

Остальные чужаки разом выхватили мечи. Собака, даже такая, против клинков что делает?!

Разом обо всем позабыв, Велька бросилась на пса, обхватив его за шею:

– Это мой, не троньте! И подите прочь, я крик подниму на всю ярмарку! Вы тати и есть, а не добрые люди!

А из-за палатки как раз выскочил боярин Иринея, и с ним еще трое, по виду кмети. Они оружны не были, по крайней мере, без мечей, но при виде их чужаки тоже мечи опустили. Их старший первый подошел и поклонился Иринею, и заговорил вполне учтивым голосом, на своем, непонятном языке, Иринея ему на том же языке ответил. Выражение лиц других двух вряд ли можно было назвать радостным, но, видно, Иринея они знали и предпочитали с ним не ссориться. Было понятно, что сначала чужак и Иринея обменялись приветствиями, а потом заговорили про Вельку, чужак то и дело оглядывался и на нее показывал. И Велька потихоньку отодвинулась за палатку. Пес – следом...

Тут как раз боярин со своим спутником из палатки ливца вышли и прошествовали мимо, ни на кого и не взглянув. Велька тихонько и быстро пробралась в палатку, пользуясь тем, что Иринея и чужаки оживленно заговорили и в ее сторону смотреть перестали. Пес – следом за ней, как пришитый, но в палатке он остановился сразу у входа и улегся, всем своим видом показывая, что с места не сдвинется. Ливец недовольно сдвинул брови, потому что собак он не жаловал.

– Это мой пес, Мураныч, – Велька умоляюще сложила руки на груди. – Он меня охраняет, вот от лиходеесов каких-то только что спас. Пусть подождет меня, не серчай!

Купца звали Альян тур Муран, что означало Альян сын Мурана, или, по-здешнему, Альян Мураныч. Бабка и звала его Мураныч, и Велька то же переняла, он не возражал. И собак он не то чтобы не любил, но не в обычаях его народа было пускать этих животных в дом или, пусть так, в палатку. Но долгие путешествия по чужим землям приучают к терпимости. И он кивнул Вельке, разгладив лицо.

– Ничего страшного, Велья-ола. Все ли в твоей семье здоровы? – и подал шелковый мешочек с ее заказом.

Мешок – шелковый! В похожем сестра Чайна хранила украшения из того своего набора, что из белого серебра с морским жемчугом. То есть сначала в мешочек их клала, а потом уже в ларчик, чтобы жемчуг не истерся, блеск не потерял. А тут купец в шелк кору древесную

сложил и масло в пузырьке – не иначе, подчеркнуть их редкость и стоимость. Велька, как и бабка когда-то, без стеснения тесемки развязала и товар внимательно рассмотрела, понюхала и в пальцах помяла. Так оно и положено, кто же золото за kota в мешке платит, купец сам ее на смех поднимет за такое дело. А монетки, что Велька принесла сюда в кошельке, подвешенном под поневой на пояс, как раз золото и было, самое настоящее.

Купец так же внимательно осмотрел монеты – как положено, высыпал их в шкатулку и благодушно заметил:

– На моей родине этот товар, дорогая Велья-ола, сильно вырос в цене. Но из уважения к драгоценной Аленья-кер, и к тебе, Велья-ола, я пока не стану увеличивать цену для тебя.

– Спасибо, Мураныч...

– Тебе нужно быть осторожнее, Велья-ола, – добавил ливец, качая головой. – Не нужно ссориться с теми людьми, с которыми ты только что говорила. Лучше постарайся совсем больше не показываться им на глаза. Скажись больной, чтобы не выходить из дома.

Видел он все, значит, из палатки выглядывал...

– А кто это, Мураныч? – встрепелась Велька. – Что за люди, почему мне их бояться? И что им от меня надо, я их знать не знаю!

– Насколько я мог заметить, это оборотни, из рода Сараватов, их еще называют Красные волки. Их земли за Трехречьем, на севере Лесовани.

– Оборотни? Волки? – Велька тихонько ахнула. – Никогда не видала оборотней. А так поглядеть, люди как люди. Но почему же они меня так заприметили? Как бы понять?

– Я не знаю, дорогая моя Велья-ола. Скажу только, что уважаемая мной Аленья-кер раньше принадлежала к народу, что жил там же. И еще скажу, что волки весьма чтят огненную богиню Кару. Драгоценная Аленья-кер в юности служила этой богине, если я ничего не путаю. Ты что-нибудь знаешь о служении Каре, дорогая Велья-ола?

– Ничего, – пожала плечами Велька, – совсем ничего. Меня такому не учили. Нет у нас Кары, мы Сварожича почитаем.

Ливец понимающе закивал, пояснил:

– Оборотни считают, что эта богиня – родная сестра вашего огненного бога, имя которого вам тоже заповедано произносить. Настоящее имя Кары совсем иное, а это – для людей, его можно произносить, не осквернив настоящее. Настоящее имя Кары знают великие огненные волхвы, Матери Огня. Собственно, вот и все, что мне известно, дорогая Велья-ола. Что касается этих волков, они торговые люди, поэтому скоро уедут из Верилога. Просто подожди. А если тебе понадобится еще что-нибудь, любая редкость – пошли мне весточку, ты знаешь как.

– Да, Мураныч. Спасибо тебе большое, – она поклонилась купцу, тот тоже поклонился, но слегка, не низко. – И за совет спасибо, буду осторожна.

– Пусть солнце светит тебе долго, Велья-ола...

Бабка когда-то давно объясняла, что «ола», приставленное сзади к имени, всего лишь значит «девушка из достойной семьи», а «кер» – уважаемая пожилая женщина. Если бы ливец обращался к Вельке, как к княжеской дочери, он должен был бы называть ее Велья-бона, и еще ему нельзя было бы на нее смотреть и нельзя подниматься с колен. Станные все же обычаи есть в дальних землях. Хоть бабка твердила еще, что все обычаи, принятые у разных народов, мудры, что мудрого в том, чтобы купцу не смотреть на того, с кем говорит, и ползать по палатке на коленях? Нет, она лучше будет Вельей-олой, так даже красивей.

Ириней с кметями ждал у палатки, и другие княжичи тоже подошли – вот не сиделось им во дворе. Велька вышла, держась за ошейник Волкобая. Когда Ириней протянул к ней руку, пес грозно рывкнул, и парень поспешно руку отдернул, ткнул кулаком Волкобая в бок, усмехнулся:

– Ох и глупая зверюга! Прыгает под мечи, а мы его шкуру мохнатую обороняем. И чем ты, красавица, его так покорила? Приворожила, может?

Волкобой сдержанно рыкнул, на морде его было красноречиво написано: и что с дурака взять? Велька прыснула, но тут же посерьезнела, вздохнула, поклонилась княжичам.

– А где... они, позволю спросить?

– Ушли. Я сказал, что ты челядинка на княжьем дворе, не надо тебя трогать, сердить князя Велеслава, – ответил Иринеи. – Касмет обещал, что придет к князю откупить тебя. Но я считаю, что он передумает. Ему не нужны лишние трудности.

– Ох, да что же им в голову взбрело? – горестно вздохнула Велька.

– Твои амулеты, – он показал взглядом на подвески на Велькиной груди, – как я понял, они что-то означают. То, что делает тебя особенной. Ты якобы собственность семьи Касмета... или я чего-то не понял. Но какие-то права на тебя он за собой знает. А ты – знаешь?..

– Нет! – Велька мотнула головой. – Не может такого быть, вот и все!

– Значит, он ошибся, бывает, – Иринеи улыбнулся. – Надеюсь, тебе нечего бояться. Князь ведь тебя не отдаст? А захочет отдать – я перекуплю. Обещаю. Золотом за тебя заплачу, хочешь? Со мной в Карияр поедешь. Ты ведь меня меньше боишься, чем Сараватов?

– Сейчас забоюсь, – буркнула Велька, берясь за ошейник Волкобой.

Тот не возражал. А парень криво усмехнулся, предложил:

– Хочешь, орехов жареных тебе куплю?

– Спасибо тебе, боярин, за помощь, за защиту. Не надо орехов. Пора мне, пойду...

– Э, нет. Я не боярин, я княжич, это первое. И не пойдешь ты одна, мы до ворот доведем – это второе. А то случится что с тобой, князь Велеслав разгневется, а нам его гневить никак нельзя, он и так нам не больно рад! Как зовут-то тебя, скажешь хоть?

Не боярин, значит, а княжич. Жених Чаяны. Один из четырех. И он не прочь перекупить ее, челядинку княжью, у оборотней и увести в Карияр вместе в Чаяной...

Вот радость-то.

Как бы сбежать? Уж до отцовского двора она доберется, а там спрячется и точно гостям дорогим больше не покажется...

Оказалось, сбежать – никак. Отпустить ее наотрез отказались, и княжич Иринеи, и Волкобой тоже – вцепился зубами в край поневы и повел, и деваться было некуда. Иринеи, пока шли, пытался байками развлекать, да все обещал изловить ее сегодня ночью во время русальего гона, и ничего он, дескать, не боится, и терять ему-де нечего, и он уже столько русалок словил, что и со счета сбился.

Болтун он редкий, хоть и княжич! Русалку поймать, поцеловать – к удаче, а вот русальим чарам поддаться – это, говорят, беда большая, это весь год маяться, томиться, до следующей Купалы можно и не дожить.

Поймать... поддаться... а велика ли разница? Легко ли понять, кто тут кого поймал? Поэтому русалок ловить можно, а вот изловить – не надо! Все об этом знают. Русалку нелегко поймать, почти невозможно, хоть парни и стараются, изо всех сил стараются, напрочь забыв, что – не надо...

– А обручье-то у тебя серебряное, – вдруг заметил княжич, – ишь ты, у челядинки – серебряное! Кто же одарил тебя, милая?

– Родной батюшка! – не без яда бросила Велька. – Это мое девичье, а ты что, княжич, подумал?

– Девичье? Это хорошо! – Иринеи заулыбался. – Я ведь не знаю, какие рисунки бывают на ваших браслетах. Это у тебя, чтобы жениху дарить, правильно? И никому ты еще не обещалась? Я ведь не хочу увозить тебя в Карияр от жениха, сама понимаешь. Хоть ты и не желаешь мне говорить, как тебя зовут!

Два года как с первой своей русальей рубахой получила Велька и обручье серебряное, тонкий ободок, покрытый узором из дивных листьев. Отец наказал беречь, не терять, без его вельня никому не дарить. Она пообещала. Обручье Велька не снимала, просто подтягивала

повыше, чтобы под рукавом рубахи спрятать, так вот же, не углядела – упал на запястье серебряный ободок, а княжич такой глазастый оказался.

– Видать, не беден твой батюшка? Иначе откуда он взял для тебя такое обручье? Может, на дороге нашел? Не сердись, милая, но погляди вокруг, сегодня праздник и все уже нарядные, а ты одета так, словно и не праздник. Значит, твой отец не может одеть тебя красиво? Зато я первым делом куплю тебе все, что захочешь, и ожерелье обязательно, из сердоликовых бусин! У тебя есть бусины из сердолика? А из хрусталя?

Велька не выдержала, рассмеялась.

– То-то мне волки то же самое обещали. И бусы сердоликовые, куда без них!

Князь не растерялся.

– Это потому, милая, что сердолик тебе дивно пойдет! Вот увидишь, ты от этих бус глаз отвести не захочешь, а я – от тебя! Хотя от тебя и без бус глаз не отведешь!

Ну, княжич. Всем вроде хорош, и ее вот выручил, а пустобрех редкий. И жених, опять же! Что за жених, если за невестой приехал, а вокруг другой вьется?

А может, на Чаiane вовсе не он женится? Их же четверо.

Да без разницы. Не нужен он Вельке, и ей в Карияр с ним не ехать! Она сказала:

– Ответь, княжич, а не ты ли нашей княжны жених?

Глаза Ирины хитро заблестели.

– А это, милая, тебе пока нельзя знать! Да и зачем? Или иначе со мной не поедешь? Или тебя твой добрый батюшка только в старшие жены мне отдаст?

Парни заухмылялись, словно шутку веселую услышали.

– Кто знает! – усмехнулась девушка. – Пока ведь не стал ты князем? Так, может, и не отдаст!

Кмети скалились веселее, да и сам Ириной откровенно забавлялся разговором. Ну и ладно, отчего не позабавиться, дорога недлинная – почти пришли уже.

Они, и верно, уже были у ворот, и Велька успела подумать, что, пожалуй, без труда за спинами кметей прошмыгнет через двор до хором, и все, только ее и видели. Уже приготовилась благодарить да прощаться и Волкобой напоследок погладила. Ну, с ним-то еще увидятся, она постарается!

И прямо перед ними открылись ворота. И всадники выехали, числом больше десятка, а впереди – князь-батюшка.

Велька замерла. Вот ведь не повезло!

Князь Велеслав коня придержал, посмотрел, словно глазам не веря, на меньшую дочь рядом со страшным псом в окружении парней.

Все учтиво князю поклонились, и Велька тоже. Князь-батюшка лицом потемнел, глазами сверкнул, дочку поманил, она подошла. Нагнувшись с седла, Велеслав Судиярыч основательно взялся за толстую дочкину косу, на грудь перекинутую, стиснул в кулаке так, что костяшки побелели. Не дернул, нет. Но Велька малость струхнула.

– Я тебе чего велел? – выдохнул князь.

– Прости, батюшка...

Пес зарычал, князь посмотрел удивленно и косу отпустил, бросил:

– Ступай в горницы.

Велька побежала во двор, пес за ней следом, а княжич с кметями своими остался говорить с князем. Обогнув столовую избу, она взбежала на гульбище, и пес – следом...

– Стой, Волкобой, – Велька поймала его за ошейник, – тебе со мной нельзя. Спасибо тебе, родной мой, – она крепко обняла собаку, – ничего, батюшка долго не сердится. Главное, ты меня от оборотней оборонил. Ох, боюсь я оборотней. Баба столько меня в детстве оборотнями пугала! Боюсь. Хоть бы больше их не встретить никогда! Ну, ладно, ступай! – а сама все

гладила, теребила мохнатую собачью шерсть, не отпускала. – Потом повидаемся, опять утащу тебе мяса с кухни! Не откажешься?

Судя по выражению на песьей морде, тот был на все согласен.

Скрипнула ближняя дверь, из-за нее выглянула Малка, Велькина сенная девка, всплеснула руками:

– Княженка! Ой, и псина эта! Не трогай, страсть какая! А ну как порвет тебя? Отойди, отойди!

– Не глупи, Малка, – отмахнулась Велька, – погляди, не рвет же? Зачем ему это? Сама отойди, если боишься.

Девка опасливо отодвинулась, зачастила:

– А мы тебя, княженка, обыскались. Княгиня велела в баню тебя сводить, да по-быстрому, все уж готово. А какую она тебе верхицу прислала, из зеленого шелку – глаз не оторвать! Говорит, тебе зеленый шелк всего лучше. К таким-то волосам. Только подол девки подошьют, как надобно. Да косу с перебором тебе заплести велено, и с жемчугом, и с лентами. Пойдем, княженка!

– Поняла я, Малка, не тараторь, – вздохнула она, – поесть сначала дай, хоть молока. Все, ступай, хороший мой! – махнула она Волкобою.

Тот послушно отошел. Вот же умный пес. Подарили бы Вельке такого, в придачу к ее Званке!

Не подарят. Такого пса да девке во владение – где видано?..

Глава 3

Четверо из ларца

Велька, по-праздничному причесанная и наряженная, так и просидела в своей горнице, с девками-челядинками – княгиня велела им ее не оставлять. Отец не звал, чтобы отругать, видно, занят был. Да Велька его и не боялась. Покричать князь мог, когда она своевольничала, но чтобы с настоящей злостью – никогда. Князь-батюшка вообще был человек незлой и отходчивый. А чтобы, к примеру, хворостиной – так Вельку только бабка учила уму-разуму, и то давным-давно, да и, прямо скажем, всякий раз за дело. Княгиня и подавно не сердилась, осмотрела падчерицу, нарядную, непослушные прядки на ее голове убрала под венчик, улыбнувшись. Сказала:

– Вот и хорошо. Тебя одеть, и такая девка получается, просто глаз не отвести. Где княжича кариярского встретила, почему вместе пришли?

– На ярмарке и встретила, – Велька потупилась, – он думает, что я челядинка здешняя...

– Вот как? – княгиня рассмеялась. – Челядинка! Ох, Велья! Ладно, челядинка, а что ему надо было от тебя?

– Ничего. Просто... веселый он.

– Просто веселый! Скажешь тоже. Ни дать ни взять дитятко малое, и понятия не имеешь, с чего бы это парням с девками веселиться и байки им сказывать. Понравилась ты ему?

– Нет...

– Нет? – теперь княгиня хмурилась. – Оно и понятно, что нет! Точно дитя! Не понимаешь, что если такой молодец заскучает да сенную девку с собой на лежанку уложит, то за это спрос невелик? Не тот, что за княжескую дочь?

Да какой там вообще спрос, с гостя-княжича да за сенную девку...

Велька только кивнула, голову опустила:

– Понимаю, матушка.

Ее-то силой на лежанку не уложишь, и княгиня об том знает. Бабка давно заклятью простенькому научила, еще когда и для поневы время не пришло⁹. Непросто силой взять внучку старой Аленьи. У княжича, к примеру, не выйдет. А у тех, оборотней? Какая-то пугающая мощь, власть непонятная чудилась Вельке в их взглядах, в самом их странном, чужом облике. Сможет ли она им противиться, чужакам этим, которые чего-то от нее хотят? Она им нужна. А зачем?

– Жди, – сказала княгиня, – как понадобится, за тобой придут. Готова будь, и вниз из горниц ни ногой, поняла?

Зря Велька прождала, за ней не пришли. Без нее отец с ближними и гостями отполудничал в трапезной избе, народу нынче там собралось столько, что столы, один за другим поставленные, продолжались и за широкими дверями трапезной, чуть не до конюшен. Помимо бояр, воевод с женами, ближней дружины и гостей княжьих, купеческие старшины еще пришли, и купцы именитые самые, и мастеровые старшины с женами, а кто и с сынами и дочками. Как всегда в такие дни, народу набрался полон двор. Княжна Чайна, конечно, пошла за те столы, с матерью и боярынями, чары с медом подавать будет самым почетным гостям. Может, женихов своих хоть рассмотрит толком, наконец.

В другой раз вовсе была бы не прочь и Велька там посидеть, да кариярскому княжичу теперь на глаза попадаться не хотелось. Не увидит он ее – и не поймет, кто такая. Вот то бы и хорошо.

---

⁹ Понева надевается после физического взросления девушки.

Жалко, бабки Аленьи нет больше. Она бы все толково объяснила, и про карьерцев, и про тех оборотней с ярмарки. Недоговорила бабка чего-то в свое время, скрыла важное. Как Велька ни силилась думать, вспоминать, мелькало что-то в памяти, как отдельные огоньки, но ясным не становилось. Ведь ее ни много ни мало за робу приняли, за холопку! Из-за бабкиных оберегов? А если эти трое сунутся к князю права свои неведомые предъявлять? Конечно, отец ее не отдаст и не продаст, но что не обрадуется он – точно.

Но что же не так с бабкиными оберегами? Ведь невольничий знак мудрая волхва, всю жизнь прожившая на чужой стороне, носить бы не стала. Да и не бывают волхвы невольницами, не бывают, это всякий, кто хочешь, подтвердит! Значит, врут оборотни?

А что она им так вдруг в жены понадобилась – этому Велька и на капельку не поверила. Не глупая же она, в самом деле...

Кончилось застолье, вернулась Чаяна. Веселая. Порывисто обняла Вельку, шепнула:

– Видела княжичей? Тебе который показался?

Велька только головой покачала, хмыкнула. Так ей и позволили хоть глазком взглянуть...

– А тебе уже какой-то и показался?

– Да все неплохи. Но я, кажется, знаю, кто старший. Догадалась. Княжич Ириной. И еще там один, Велемил – может, он? Велемил – он вечно насупленный какой-то, что ли? Может, глупый малость? Ириной бы лучше, – глаза у княжны-сестрицы блестели этак загадочно, и в голосе что-то появилось, томное, зовущее.

Ириной, значит. И вокруг Вельки кружит, и сестре успел понравиться. Только по-разному он на них смотрит...

– А проклятье? – напомнила Велька. – Ничего странного не разглядела? Может, метка какая – нет? Родинка большая, к примеру...

– Нет, – тут же скисла Чаяна, – не видно ничего ни на ком.

Велька только рукой махнула:

– Вот что, сестрица, нынче ночь особая, проклятье себя проявить может, метки невидные видными делать... ненадолго, но заметить успею. Могу попытаться. А не боишься? Может, лучше и не знать?

– Нет уж, лучше знать! – упрямо тряхнула головой Чаяна. – Если сумеешь, Велюшка, век перед тобой в долгу буду!

– Не нужна ты мне в должниках ни на век, ни на день! – буркнула Велька. – Я и так... не сомневайся.

Легко сказать. Слово-то она знала, но и только. А знание, бывает, умения не заменяет. Но попытаться ей и самой хотелось.

А время подходило. Опустели улицы Верилога, горожане собирались на высоком берегу реки Верилы, там вокруг берез девки уже завели хороводы, пели, славили Ярилу с Лелей – близились великая ночь божьей свадьбы. Сегодня вечно юная Леля-красавица, богиня-дева, уйдет к супругу Яриле в дальние чертоги, а власть над миром получит Лада, всему земному мать и хозяйка. Кончилось время девичьего цветения и веселья, наступает пора растить и собирать плоды.

Один хоровод распадался, и девушки разбредались по ближнему лесу, набрать трав и цветов, которые вплетут в венки из березовых и дубовых веточек, но тут же рядом начинались другой хоровод и другая песня.

Купальские костры только готовили, их зажгут с закатом, сам князь с волхвом вместе огонь выбьют. И расстелют тут скатерти повсюду, выставят припасы: пирогов и блинов будет без счета, сыра и сметаны, и медов хмельных самых разных. Минувший год удался урожайным, сытым, и люди истово надеялись, что и нынешний случится не хуже, а для этого праздновать следует широко и щедро, чтобы боги остались довольны.

А Леля вернется будущей весной. И далеко не все девицы из нынешних хороводов встретят ее, некоторые уже назавтра спрячут волосы под женский повой, уйдут молодыми женами в мужний род. А кто-то отдаст свои девичьи обручья и станет поджидать сватов. А кто-то, может, в свою семью принесет дитя, зачатое дивьей купальской ночью – семья не попрекнет. Дети купальской ночи – дети самого Ярилы, его божье благословение, им радоваться положено.

Только все по доброму согласию должно быть, иначе Леля осерчает и накажет. А оскорбленная богиня-краса, богиня-весна злее и мстительнее самой Мары – Марены, хозяйки смерти и зимы. Никто не рискнет обижать Лелю, в такой-то день, а рискнет – пусть не жалуется.

За Чайной прислали от княгини, и она ушла. А Велька сбросила нарядную одежду, сняла серьги-гроздьи и венчик с подвесками, нырнула в простую рубаху, огляделась в поисках прочего, чтобы понеказистее, да попадалось на глаза только нарядное и ее русалья рубаха, уже разложенная на сундуке.

– Дай свою поневу, быстро, скоро верну, – велела она какой-то из горничных девок, та подчинилась без возражений.

Велька небрежно затянула поневу поверх рубахи. Ей бы только спуститься да по двору пройти, не привлекая внимания. Огляделась, поманила Малку:

– Пойдем, княжичей кариярских мне покажешь, всех четверых.

Та за голову схватила:

– Ой, княженка, да как же... Да где же? Не в гостевых же палатах? Да они, поди, и ушли со двора!

– Вот и пойдем, поглядим, ушли ли...

Обещание, данное сестре, бессмысленно, если не знать в лицо всех княжичей. Ей ведь надо на них проклятую метку поискать, да еще во время праздника. То, что они у отца важные гости, упрощало дело: по ходу праздника отец непременно посадит их рядом с собой, чтобы лично угостить чаркой меда и пирогом. Но не их ведь одних, и вместе ли, и когда именно – кто знает, да ночь еще, праздник, толпа народу кругом мельтешить будет.

– Княженка, княженка! – вбежала еще горничная, всплеснула руками. – Не готова? Скорее раздевайся... одевайся! Уж ждут...

– Подождут! – отрезала Велька. – А вы тут готовьте все! – И, схватив за руку Малку, выскочила поскорее из горницы и почти что сбегала с лестницы вниз. Малка только охала, стараясь поспевать за неутомимой княженкой и при этом устоять на ногах.

По пути Велька и повод придумала прийти в гостевой терем. Ради этого забежала в кухню, кинулась к старшей стряпухе:

– Веруня, ладушка моя, не откажи, дай того меда, что ты с одолень-травкой варила? Налей в ковш, угостить кое-кого ну просто очень надо!

Та тоже переполошилась:

– Ох, княженка, что задумала? А княгиня что скажет? Натворишь ведь дел, наведешь беду...

– Ничего не наведу, все хорошо будет, Матушка Макошь послухом! Помоги, Веруня! А я зато... – пристав на цыпочки, Велька прошептала кое-что стряпухе на ухо.

Старшая стряпуха неплохо смыслила в травах и лекарственных снадобьях, хоть и не могла волхвовать, потому Вельку, тоже в этом деле знающую, уважала и отказала бы вряд ли. Она и не отказала, тем более что и обещание получила взамен заманчивое: секретами бабкиных травок Велька мало с кем делилась, но самими травками – почему же нет.

– Налить-то налью, – согласилась Веруня, – хоть самый большой ковш, да хоть два! Только кого же ты в такой-то день одолень-травой поить собралась? Она же силу только назавтра придаст, а сегодня мало что с ног не свалит!

– Главное, что не свалит, – буркнула Велька. – Все потом объясню, а сейчас налей!

– Ну, ладно! – качая головой, стряпуха ушла, но долго не возилась, скоро вынесла Вельке большой резной ковш-утицу с крышкой, доверху полный душистого хмельного меда. – Ну, гляди, княженка...

Мед с одолень-травой стряпуха готовила каждый год, отбивая ягодами характерный, узнаваемый вкус этой дорогой и редкой чудо-травки, что и впрямь дивно прибавляла силы – на следующий день. А сегодня княжичи бегать за девками не захотят, а может, и подремать прилягут где-нибудь в кустах, тогда рассмотреть их вообще труда не составит. А завтра, если и догадаются, что к чему, то ничего. Волков бояться – в лес не ходить.

Поблагодарив, Велька подхватила ковш, махнула Малке – идем, дескать, показывай. Сойдя с крыльца, чуть не споткнулась об Волкобая. Он вольготно растянулся на травке и, казалось, дремал, но при виде Вельки встрепнулся, вскочил на лапы. Ждал?

– А ты не поможешь ли, друг любезный? – коротко рассмеялась девушка. – Покажи мне твоих княжичей, отведи к ним. Угостить их хочу, поблагодарить.

Пес недовольно рывкнул.

– Ай, княженка! – опять заволновалась горничная. – Что ты задумала? С псом страшным разговоры говорить! А это не оборотень, случаем? Ох, страсти!

Теперь пес рыкнул, явно адресуя это Малке.

– Да какой оборотень! – рассердилась Велька. – Вот же дура, молчи лучше! Не слушай ее, Волкобой! И гляди, если меня не отведешь к твоим княжичам, сама пойду их искать и найду! Нужны они мне, понимаешь?

Пес повернулся и потрусил по двору, только не к гостевой палате, а в другую сторону.

Пришли к конюшне. И впрямь там были Ириной и еще парни, около коня привязанного стояли что-то обсуждали. Увидев подошедшую компанию – двух девок и Волкобая, все разом умолкли и удивленно уставились.

Велька низко поклонилась, протянула ковш.

– Здоровы будьте и простите дерзкую. Вы меня спасли сегодня, так вот я благодарить пришла. Этот мед, он особый, такого где попало не найдете – голову проясняет, силу придает...

Пес тем временем не торопясь подошел к одному, дернул за полу, потом к другому и тоже дернул, потом еще к одному, что стоял чуть подале прочих...

Карьерцы переглядывались, а Велька, конечно, примечала указанных. Это княжичи, выходит? Пес тем временем вернулся к Ириной и задрал ногу над его сапогом...

Нет, до конфуза не дошло – Волкобоюшка, видать, шутить изволил. Но Ириной отскочил, возмущенно крикнул и даже ногой топнул. Остальные парни не то что засмеялись – заржали конями.

– Ну и дела, – хмыкнул Ириной, когда смех утих, – наш блохастый, красавица, как видно, нас тебе представить желает. Ну, гляди: меня ты знаешь, вот это братья мои Велемил и Горибор, а вон то – Яробран, – каждого из парней он хлопал при этом по плечу. – Все мы братья, но кому-то княгиня не родная матушка, а кому-то князь наш Вереней Горятыч – не отец, а добрый дядюшка...

– Спасибо за честь! – Велька опять низко поклонилась, и Малка за ее спиной, которая тряслась как осинов лист и то и дело в сторону теремов поглядывала, тоже.

Конечно, княжичи им, простым девкам, по именам назвались. Еще бы не честь.

А все лицами вроде немного схожи и статью: все высокие, крепкие, широкоплечие – ну на подбор просто. И разницы в годах между ними большой нет, даже непонятно, кто самый молодой, вот разве Яробран? А раз они не одних отца и матери сыновья, то старшим княжичем может быть вовсе не старший по возрасту...

– Тебе-то княгиня точно родная матушка, да? – не удержалась Велька, чтобы не попробовать одним махом определить среди княжичей первого наследника карьерского князя.

Жен у князя может и несколько быть, но княгиня одна, она обычно и мать наследника. Княгинин сын, скорее всего, и есть наследник, потому как ясно, что князю он тоже сын. Если, конечно, князь этот в свое время не женился на вдове с ребенком, что Вельке было неизвестно. Или у князя с княгиней не один сын. Нет, одним вопросом тут не обойдешься...

А Ириной рассмеялся.

– Ишь любопытная! Тебя не княгиня ли прислала расспрашивать, а, лиса рыжая? Ей-то точно очень интересно, кто из нас старший княжич!

Велька только отрицательно замотала головой. Ишь ты, уже лиса! В прошлый раз не белка ли была?

– А от тебя-то нам почему чести нет? – настаивал княжич. – Скажи и свое имя, уважь!

Он приблизился, взял из ее рук утицу, передал Велемилу, склонился – Велька отпрянула. А он просто поймал в руку ее косу, за спину отброшенную, и разглядывал, точно диковину.

– Ну, надо же! Как князь вериложский своих сенных девок наряжает...

Велька даже застонала сквозь зубы. Ох и растяпа же она! Все украшения до последнего сняла, а забыла, что в косе у нее ленты шелковые изумрудной зелени, поверх которых нить жемчужная пущена, длинная. Богатое украшение. Долго княгинина горничная с их косами возилась, с ее и с Чаяниной, а вышло – докука одна.

Прошлой весной богатые эти жемчуга отцу купцы иноземные преподнесли, а он тут же дочерей и одарил, для добавочка каждой в шкатулку.

– Это... княжна баловалась, а я забыла совсем, – нашла Велька, – не привыкла я к такому. Пусти, княжич, недосуг мне, дел много, – и посмотрела умоляюще, – и княжне не говори! – зачем-то добавила, разом смутившись, покраснев и искренне пожелав сквозь землю провалиться прямо сейчас, на этом самом месте, только бы исчезнуть отсюда скорее.

Как будто и не княжья дочка. Недаром княгиня Дарица то и дело ей выговаривает да советы дает, как говорить, да как что делать, чтобы честь отцовскую не ронять. Чаяна бы небось не смущалась и глаз не опустила! А она, Велька, еще и волхва огненная, силу имеет, пусть и невеликую, но все же...

– Пущу, пущу, не бойся! Ох, хороша ты, лиса! – он косу выпустил, нагнулся и быстро поцеловал ее в щеку, под громкий смех остальных и лай Волкобая.

Это он зря...

На какой-то миг окончательно потеряв самообладание, девушка дернулась, пальцы сами сложились, а уж как слова нужные в голове мелькнули – и не заметила, а целый сноп искр вспыхнул и пронесся между ней и Иринеем. Тот отскочил, вытаращив глаза, чуть не упал, а Велька, пользуясь случаем, как коза, прыгнула в сторону и, схватив за руку Малку, помчалась к хоромам.

– Ну, лиса! – крикнул вслед Ириной, – поймаю тебя на шапку, вот увидишь! Как тебя все же звать-то?!

Остальные поддержали его смехом, но не так охотно, как недавно.

Глава 4

Купала

Время поджимало.

Старая нянька, заведя княженку с Малкой, только руками всплеснула:

– Где же вы? Скорей уж...

– Да-да... – закивала Велька, резво взбегая по лестнице в горницы, – мы скоро, скоро...

Она уже успокоилась. И чего всполошилась, спрашивается? Подумаешь, парень в щеку поцеловал. Грозит поймать на шапку – видали таких! По всему выходило, что теряться, волноваться вообще было не надо. Ну, запомнила про ленты с жемчугом, нехорошо, так следовало ловчее врать, а не теряться. А она до того забылась, что волшебную огненную показала чужакам, будто и впрямь была нужда! Хотя и мелкую волшебную, простенькое заклятье, бабка такое истинным пустяком считала, но люди непривычные пугаются, еще как. Когда, давно уже, Велька впервые показала Чаяне эти искорки, а еще как она лучину без огня зажигать может, просто пальцами – так княгиня Дарица в ужасе была, чуть ли не под замок посадить Вельку хотела! Обошлось, князь-батюшка уладил, княгиня смирилась. Велела, правда, девкам ведра с водой держать возле Велькиной горницы, первое время так и делали, пока княгиня не успокоилась, не поняла, что никакого пожара падчерица не устроит...

А тут и не заметила, как искры бросила. Не то беда, что сестрины женихи видели, а то, что она забылась, волю потеряла! Бабка все твердила, что хуже нет, как волхве волю потерять!

Пусть бы уехали они быстрее, карьерцы эти.

Чаяна вон уже млеет от Ирины! И хорошо, и славно...

– Ох, прости, княженка! – Малка, расплетя Велькину косу и отложив в сторону ленты с жемчугом, теперь торопливо расчесывала ей волосы березовым гребнем.

Русалки кос не носят...

– Как он на тебя смотрел, княженка. Княжич этот, карьерский.

– Забавлялся, что ему, – уронила Велька равнодушно, – а если повезет, мы найдем среди них старшего нынче ночью.

– Ох, княженка! Старший – он же проклятый!

– Вот и узнаем, который проклятый. А точно ли один проклятый, не все? – усомнилась она вслух, пока горничная раздирала гребнем ее буйные кудри, – да осторожнее ты...

– Прости, княженка! А проклятый точно один. Нянька вчера сказывала у печки. Проклятье на самом князе и на наследнике. А что за проклятье, никто того не знает.

– Слушай, ну странно это, – Велька задумчиво потерла нос, – все знают про проклятье, но не знают, в чем оно! Все его боятся, говорят, что злое, родниться с карьерцами не хотят. Так?

– Так, княженка. Только роднятся с ними все равно. Карьерское княжество богатое, говорят, большое...

Те четверо красивых и веселых парней не казались ни несчастными, ни хоть как-то удрученными судьбой.

– Может, болезнь какая? Смерть ранняя? Так князь их человек немолодой, верно. А что тогда? Какой-нибудь запрет? Что еще нянька говорила, а, Малышка?

– Еще говорила... А вот: на войну и даже в полюдь их князь сам не ходит! И наследник его тоже. Как надо вести войско, так воеводой кто-то из княжских братьев идет или из бояр. Это только странно, а остальное по-обычному. Так нянька сказывала, княженка.

– Гм... – вздохнула Велька, – и сидит, выходит, князь в Карьер безвылазно? Но так не бывает, какой же он тогда князь. Может, просто сам князь хворый, а наследник... ведь неизвестно, кто он. Откуда известно, что наследник с войском не ходит?

– Так свои-то не могут не знать, княженка, – понизила голос девка и, нагнувшись к уху Вельки, вовсе зашептала: – Князь наш, батюшка твой, вечер¹⁰ бояр собирал ближних, да не в палате, а в своей горнице. И будто бы боярину Вуйко Мареничу поручил к себе в гости зазвать того боярина карьерского, что с княжичами приехал, подпоить его да вызнать про проклятье.

– И что?..

– Да ничего, княженка, больше не знаю! И про это... так, шепоток слышала, уж ты меня не выдай!

– Ясно, что не выдам. Ты вот что, Малушка, когда мне нянька чашку с отваром подаст, отвлеки ее. Мне отвара нынче не надобно. Сделаешь? – Велька сняла шнурок с оберегами, положила в шкатулку.

Не положено русалке людских оберегов.

И рубаха ее чистая, без вышивки, белая как морозный снег, потому что на том снегу и белили полотно для нее в прошлую, на редкость злую, зиму.

– Как же можно, княженка?! – вскинулась девка.

– А так, – отрезала Велька, – если я под русальим дурманом буду, как смогу волхвовать? Да не бойся. Думаешь, поймают меня? Ни за что не дамся. Давай, садись, я тебе волосы расчешу, быстрее будет, – она вскочила, усадила горничную на свой табурет и принялась расплетать той косу...

Все уже ушли со двора, остались только девушки в русальих рубахах, несколько старух и совсем дряхлый дед, которому ходить было невмочь. И так в любом дворе, весь город, почитай, собрался на высоком речном берегу. На Купалу добрые люди дома не сидят.

Чаяна молча стояла у гульбища, дожидалась, когда волхва из Ладиного капища с помощью старух закончит готовить отвар. Как все, босая и в белой русальей рубахе, с гладко расчесанными волосами, в которых – ни нитки, не то что ленты, и переплетенными длинные пряди быть не должны. Кругом нее толпились девки, не только с княжьего двора, а со всей улицы и переулочков, не в каждом же дворе русалий отвар варить. У всех белые рубахи, гладко стекающие на спину волосы. Шума-гама не было, но многие переговаривались, пересмеивались, хоть и тихонько – праздник же, да какой! Грустить вроде причины нет. На княжну поглядывали. Княжна и боярышни мало отличались нынче от собственных сенных девок, разве что руками маленькими и слишком белыми. Русалкам это безразлично. Главное – ни берега, ни даже малой бусины и ни одной цветной нитки! А то не вселится в девку русалий дух, другие русалки заметят чужую, защекотать могут, разума лишить, а то и побить. Старухи так говорят...

Русалок в реках и озерах видимо-невидимо, а воплощаться не каждая из них способна. Потому и приходят девушки-невесты к речке, ничем не защищенные, чтобы на короткое время дать русалкам тела, принять в себя русалий дух, надеть подаренный людьми венок и побегать по зеленой траве, подышать пряным воздухом купальской ночи, полностью отдаться нечеловеческому, иступленному неистовству – потому что в последний раз в этом году дано Дажьбоговым дочкам погулять на земле. Так всегда было, так предками заповедано. Погуляют и спокойно уйдут, а вернуться с Лелей будущей весной.

Говорят, если какая-то девка не выйдет к реке, не захочет отдать себя русалке, то и какая-то из русалок не сможет или не захочет покинуть человеческий мир, останется больше срока, а с ней и другие. Или, того хуже, все захотят вернуться, а им оставаться нельзя, их время прошло.

Говорят еще, что однажды, когда мор страшный пришел из низовий Верилы и прокатился много выше Верилога, не отпраздновали Купалу как должно. Хоть волхвы из капища и старались, огни жгли и жертвы принесли, а не ушли русалки. Тем летом на каждом поле находили потоптанное жито, и урожай собрали совсем маленький. Русалки это не со зла, не могут они иначе, живут они так, по-своему, не по-человечьи. А отчего да почему? Этого Велька не знала,

---

¹⁰ Вечер – вчера вечером.

да и мало кто взялся бы объяснять. От бабки Аленьи ничего добиться не удалось, только что в том краю, где она родилась, русалых игрищ на Купалу не было. Стало быть, иной какой-то ряд был в тех местах у людей с водяными и лесными девками.

Еще говорят, что на Купалу нельзя русалок разглядывать, а пересчитывать по давню, потому что их непременно окажется больше, чем человеческих девушек, спустившихся к реке. И венков плетут и вешают на прибрежные кусты больше. Потому что некоторые из них, русалок, могут принять собственное воплощение и чужое им не нужно, в своем и выйдут гулять на бережок и бегать по траве. И вообще, не стоит, говорят, приглядываться к тем, кто пляшет у купальных костров, помимо русалок, и леший может из леса выйти на огонек, и болотник с болотницей, и водяной из омуты выползти, да и мало ли кто еще! Кикиморы вон страсть как любят среди людей на праздниках поплясать да блинчиков-пирожков отведать, а у редкой из них хватит силы пригожей девкой или бабой обернуться. Не нужно их, *socedey*, узнавать-признавать, а тем паче пугаться, не нравится им это...

Поспел наконец отвар, мутный, зеленовато-бурый, с резким, немного медовым запахом. Волхва махнула рукавом, и девушки всполошились, обступили няньку с волхвой, возившихся возле котла. Хоть и были все равны между собой этой ночью и друг от дружки не отличались, а первый ковшик отвара полагался Чаяне, княжеской дочке, она же поведет всю толпу «русалок» к реке. Следующий нянька зачерпнула для Вельки. И тут Малка вскрикнула и повалилась на землю, ее подхватили, стали поднимать, переполошились, и волхва подошла ближе, посмотреть, что случилось. Быстро сложив пальцы в отводящий глаза знак, Велька выплеснула отвар обратно в котел.

Молодец, Малка, надо будет потом чем-нибудь ее одарить. А русалок княженка не боялась. Она – да не убежит? Быть не может.

Через заднюю калитку Чаяна вышла со двора, Велька за ней, и другие девушки, выпившие отвар, потянулись следом. Не по главной улице ходят русалки к реке, а вот так, задками, среди кустов, а случайный прохожий, если угораздит его некстати подглядеть, отвернется, а то и ничком свалится, глаза и уши закрыв, или поторопится унести ноги. Не следует видеть русалок, пробирающихся к реке. Ворота были чуть приоткрыты, только чтобы одной девке выскользнуть. Стража, однако, на забороле¹¹ над воротами стояла, куда же без стражи – праздник праздником, а головы не теряй. Но и стражники тоже старательно делали вид, что совсем ничего не видят.

Чаяна держалась спокойно, ровно, глядела перед собой, будто ни до чего ей не было дела. Только уже внизу, у самой воды, оглянувшись, нашла Велькину руку, сжала:

– Сестричка, ты все помнишь?

– Не бойся, не забыла, – отозвалась Велька, – а ты поиграй с русалками и за меня тоже.

– Что? – Чаяна удивленно обернулась. – Что ты говоришь?

В глазах у княжны появился блеск – может, оттого, что начинало действовать русалье снадобье.

– Тебе ведь Ириной по нраву? – Велька приблизилась к сестре вплотную. – Он?

– Он! – Чаяна тряхнула волосами. – Вот и хочу знать, он ли жених.

– А если нет? Все равно ведь покориться придется, пойдешь за кого укажут.

– Может, и придется, – Чаяна тихонько засмеялась, посмотрела загадочно, – а только, знаешь, еще материнское право есть. Отец отцом, а распоряжаться нами, дочками, только матушка вольна. Неужто не слыхала?

– Чтобы против батюшки, который слово дал?.. – удивилась Велька. – Сама-то веришь?..

---

¹¹ Забороло – верхняя часть крепостной стены, где находились защитники; укрытия на верхней части стены, защищающие обороняющихся воинов, площадка в верхней части стены.

– Ты, что ли, не поняла? – хмыкнула княжна. – Эх, сестричка, и чему тебя учили в твоей Сини болотной? Отдадут-то меня отдадут, батюшкино слово не воробей. Только матушка такие условия назначить может, что все по-своему повернет.

– Отправит их всех четверых незнамо куда незнамо за чем? – шутливо предположила Велька.

Кто же не знает эту кошуну¹², в которой отважный добрый молодец действительно отправлялся в мир неизвестный, то есть *в навий*, на *изнанку*, и самым чудесным образом добывал то, что следовало. Правда, ему в этом деле кто только ни помогал, но это ладно...

– Скажешь тоже! – хихикнула Чаяна. – Они незнамо куда уйдут, а мне тут дожидаться, пока не иссохну? Нет, такой глупости матушка не назначит, – она почему-то рассмеялась и отошла, затерялась среди девушек.

Вот как, значит. Княгиня что-то придумала и дочку обнадежила, и плакать той расхотелось, а еще и княжич понравился...

Теперь почти все «русалки» собрались на берегу, хотя некоторые, запоздавшие, еще спускались, прячась за кустами, густо покрывавшими склон. Кто-то запел песню, ее подхватили, а несколько девушек затеяли игру в догонялки. Особо разгуляться тут было негде, с одной стороны – склон, с другой – река, а между ними узкая полоса травы и камней, а у воды – гладкий твердый песок, по которому только и можно побегать. Слева к самому песку подступал высокий рогоз, справа все ивняком поросло. Как раз такое место, чтобы и русалки раньше времени на людей не глядели, и люди на них. Люди, конечно, и не глядят в сторону речки, знают ведь, что нельзя. А русалкам кто запретит? И побегать, попеть, посмеяться – кто? И бегали, и пели, и смеялись, и «ручеек» затеяли – не скучать же русалкам. Наверху, над обрывом, *у людей*, уже пели, гусли звенели, и кудес¹³ где-то вдали зарокотал – там было весело, но и тут, у воды, нескучно.

На месте уже никто не стоял – русалий отвар разгорячил кровь, хотелось танцевать, смеяться. Велька отлично помнила, как это – себя не теряешь, нет, просто весело. А потом, когда выбегаешь к кострам, торопясь ухватить с расстеленных на траве скатертей угощение и прорваться через цепь парней к лесу, когда ловить тебя начинают, когда уворачиваешься, отмахиваешься от цепких рук пучком гибких прутьев, а лучше – крапивы, и вертишься, дразнишь так и этак, – ох, что начинается. Как они защекотали в прошлый раз одного не слишком прыткого паренька, у того даже смеяться мочи не стало, без чувств лежал. Велька после встречала его в городе – ничего, жив-здоров остался. А не надо выходить русалок гонять, если слабенький! И таких Велька встречала после праздника в городе, у кого руки исхлестаны и на щеках крапивные ожоги – понятно отчего. И Велька отлично помнила в лицо тех, кому именно досталось от нее крапивным веником. Но обиженных не было. Дело такое, обычай, над этими «ранами» посмеивались, ими даже гордились. Это в кустах отсидеться – мало чести.

А румяное солнце тем временем совсем спустилось, разведя в обе стороны свои огненные облака-покрывала, вот-вот коснется земли нижним краем.

Вот и коснулось...

«Русалки» поуспокоились, сбились потеснее, их разом вдруг стало словно меньше. По сторонам каждая старалась не глядеть – а ну как мелькнет рядом лицо нездешнее, вовсе не знакомое? Смотрели вверх, на обрыв, где разожгут купальские костры. Но сначала колесо огненное спустят с горы в реку. Там стало тихо, петь, шуметь перестали. Скоро уже, вот-вот...

Наверное, князь-батюшка вдвоем с волхвом уже взялись выбивать огонь особым кресалом, что в капище хранится и достается только по большим случаям.

---

¹² *Кошуна* – сказка, миф, сказание.

¹³ *Кудес* – бубен, отсюда кудесник – волхв, общающийся с духами посредством бубна.

А солнышко уходило, пряталось за земную твердь, и река вдали пылала рыжим, и облака над ней, до самого восхода, тоже пылали. Ох, красота какая!

Вот и нет солнышка, ушло, пропало, только облака пламенеющие сгрудились над его подземными хоротами. До настоящей темноты еще осталось время, но уже мало его совсем...

И тут же на горе над рекой вспыхнуло огромное огненное колесо, запылало ярко, одобрителные, радостные крики донеслись сверху. Хорошо, когда колесо загорается так ярко и сразу. Вот в него просунули длинную оглоблю, чтобы катить вниз. Кто же покатит? Отец с кем-то из гостей-княжичей? Что будущему зятю дадут один конец оглобли, испытать его силу и удачу – это без сомнения, за второй полагается взяться князю или его сыну. Велька видела, как отец скатывал колесо вдвоем со старшим братом, и оба брата сами – чтобы удачу княжичей испытать, и все всегда ладно выходило.

Вот покатилося колесо, видны были лишь человеческие фигуры, бегущие рядом и держащие оглоблю за концы. А все, и «русалки» тоже, дыхание затаили – неужто оступится кто из них? Это серьезно. Если гость, то ему могут и не дать нынче невесту. Если свой князь – плохой год ждет Верилог, одна надежда, что волхвы разберутся вовремя, как дело поправить и вернуть божью милость.

Ровно, как по ниточке, рассыпая искры, докатилося огненное колесо до самого края утеса, что нависло над рекой, над бездонным, говорят, омутом, и рухнуло в воду. Под радостные крики – добрая примета! И Верилогу можно ждать хорошего, и княжне, отдаваемой на чужбину. А ведь шептались уже по городу, что в проклятый, дескать, род отдавать, как так, не потерял ли разум батюшка-князь? А оказывается, что, может, оно и нестрашно...

Велька услышала, как радостно засмеялась за ее плечом Чайна и подхватили остальные девушки. А тем временем предстоял еще один обряд, куда как важный.

Застучал, запел кудес, и девы-русалки примолкли. По жребию выбирали волхвы ту, что медленно шла сейчас к берегу, где только что рухнуло в реку огненное колесо. Каждая понимала, что это и ее судьбой могло стать. Девушка медленно шла в окружении волхвов, ступала плавно, как во сне, прижимая к себе расписной ковш с хмельным медом. Одета она была не по-русальи, в богато расшитую рубаху, красную клетчатую поневу с девичьей каймой по низу. Лицо ее скрывал тончайший белый плат невесты, опущенный ниже плеч, поверх него – шитый бисером девичий венчик. Невеста, да, но ее жених не ходит по земле, не станет гонять русалок, не поцелует ее горячо. Хотя, что доподлинно известно про этого ее жениха? Ничего. Может, и другой парень, ею любимый, стоит сейчас в толпе парней, не ведая, кто идет под платом, и не замирает у него сердце, узнает он обо всем после...

Ну да, может, и обойдется. Чаще всего и обходится, вернется потом потихоньку купальская невеста к людям, не всякий раз водяной хозяин девку себе забирает. О третьем годе вот забрал, и еще раньше тоже было, а чаще – нет...

Тут заранее не догадаешься. Как бы хорошо ни плавала девка в речке в обычные дни, из этого омута выплывет ли – не от нее зависит. Выплывет – хорошо, родня тихо порадует и не упомянет никогда, что была дочка купальской невестой. Нет – по ней плакать, голосить не станут, и на краду¹⁴ положить будет нечего.

Старший волхв легонько подтолкнул невесту, она шагнула и тихо, без крика упала в реку, плеснула вода, и круги пошли. И все. Люди отпрянули от края, поспешно разошлись. Дальше – дело не людское...

Девушки-русалки переговаривались, пересмеивались, кое-кто начал уже карабкаться вверх по склону. А там, наверху, один за другим стали по берегу вспыхивать купальские костры, зажженные от того самого священного огня, частица которого утонула в Вериле.

---

¹⁴ Крада – погребальный костер.

Чаяна, уже в венке из цветов и трав, побежала по склону вверх, Велька за ней, тоже не забыв прихватить с ближнего куста венок попышнее. Но некстати подол рубахи зацепился за куст и угрожающе затрещал. Пришлось остановиться и отцеплять, не хватало еще рубаху изорвать в самом начале! В прежние разы, кстати, не было с ней такого, взлетала по склону ног не чуя, и никакие кусты мешать не пытались. А нынче она не русалка...

Велька оказалась наверху в числе последних. Уже стемнело, и купальский костер, казалось, горел так ярко, как никогда не горит огонь в иное время. Вокруг костра крутился русалий хоровод, быстро, очень быстро, девушки не пели, только смеялись, кричали что-то. Ничего, придет время и для песен.

Разорвав чьи-то сцепленные руки, Велька вошла в хоровод и побежала вокруг костра. Пламя бушевало, искры летели в черное небо, русалки веселились, но близко к костру не приближались – боятся они, русалки, большого огня. А Велька, вырвавшись из крепких чужих рук, вбежала внутрь круга и оказалась там, где жарко, очень жарко. И весело было, так весело! Хоть не пила она отвар, но общие кураж и веселье, чары купальской ночи разожгли кровь, ей хотелось визжать, прыгать, смеяться. Рядом зарокотал кудес, и Велька закружилась в быстром, неистовом танце, кружилась, кружилась, приближаясь к костру ближе, ближе...

Смолк кудес, и она опомнилась, отступила.

А в костре... Там, в самой глубине огня, метались огненные птицы, и звали ее неслышно, и девки огненные, крошечные, с ладошку, кружились, смеялись и руки протягивали, звали, так звали! Как русалки, только огненные, им тоже было весело, и никто-то, кроме Вельки, не видел их...

Да ведь и она не видела! Морок это, просто морок огненный! Она ведь среди русалок, и без оберегов, без защиты, которую отвар заговоренный дает, вот и морочит ее, что только дотянется. Ничего. Ее никаким морокам так просто не взять!

Велька сделала отвращающий знак пальцами и побежала за девушками, разомкнувшими хоровод, прочь от костра, туда, где путь к лесу преграждали выстроившиеся длинной цепью парни. Теперь, после пляски у костра, ей хотелось бегать по лесу, хотелось не отставать от других русалок, хотелось веселиться, а кровь в жилах словно пенилась и играла, как молодой мед. Она почти позабыла, что ей убегать как раз не надо, ей надо спрятаться где-нибудь в потемках да тенью невидимой пробраться туда, где сидит батюшка с ближними гостями, чтобы подсмотреть кое-что, ей интересное...

Ничего, успеется, все успеется! Ночь ведь купальская долгая-долгая... хоть и самая короткая она за лето, а все успеется!

Оттуда, где стояли парни, уже доносился смех, возгласы, звуки возни, возмущенные крики, а подале – чей-то пронзительный визг и треск кустов. Живая цепь, преграждающая путь, уже разбилась, и Велька вбежала под деревья, не встретив преграды, и тут же пришлось с визгом уворачиваться от чьих-то ловких рук. А с другой стороны тоже выскочили темные фигуры, и она чуть не попала, но другие «русалки», вооруженные крапивными вениками, пришли на помощь, и она благополучно сбежала. Чтобы оказаться прямо посреди крапивных зарослей, сразу ощутив под ногами жгучий ковер, и это здорово! Велька тут же нарвала себе веник, завернув стебли в большой лист, и помчалась туда, где слышала визг – какую-то «русалку» догоняли сразу трое парней...

Зря, что ли, руки обожгла, ломая крапиву?

Не догнали их, конечно. Но одному из преследователей, самому настырному, от обеих досталось жгучего угощения. Велька ее, эту другую девку, которой помогла, не узнала, да и не старалась узнать! В конце концов они трое, «русалки» и парень, разбежались в разные стороны, и... Велька вдруг оказалась одна.

Совсем одна.

Тихо стало, шум остался где-то далеко. Хорошо, что все же остался, а то и растеряться можно, куда ни глянь – лес глухой, ночной. И звуки леса исконные стали слышны: скрип дерева, крик какой-то птицы в кустах и уханье совы неподалеку. И жутко стало, подумалось, что вот сейчас покажется кто-то из кустов... леший?

Ничего, сейчас она просто постоит, отдохнет немного, посмотрится и поймет, куда забралась...

Велька тяжело дышала, чувствуя, как навалилась усталость, даже шевельнуться не хотелось.

Слишком ранняя усталость! Выпей она русальего отвара – еще носилась бы по лесу.

Ничего, просто отдохнуть всего-то и нужно. Оглядываясь, она стала узнавать место, старые березы, а если еще немного влево пройти, будет кривая береза с большим дуплом. Значит, чтобы к Русальему озеру выйти, надо взять правее. Все они, «русалки», в конце концов выйдут в этому озеру, чтобы искупаться в его холодной черной воде и отпустить русалок восвояси, потому что в этом озере и скрыт проход в их навий мир.

Ей, Вельке, можно и не купаться нынче, она ведь отвар не пила, она не русалка. Но – кто знает? Вон как по лесу ей славно бегалось! Может, взяла ее русалка и без отвара? Значит, надо идти. Вот немного еще постоять, прислонившись к березе, совсем немного...

Луна выглянула полностью, стало светлее, зато тени меж деревьями легли чернее, гуще.

И вдруг – Велька даже вскрикнуть не успела – кто-то большой возник, выдвинулся из-за ее спины, неслышно, как тень, и крепко ее обнял, стиснул так, что и не пошевелиться. Она только вздохнула судорожно, дернулась, да куда там! И травы из ее венка, смятые его рукой, запахло необычайно пряно и резко.

Леший?

Нет. Человек.

Кричать – какой смысл? Да и крикнуть она бы не смогла, только замычать, потому что одной ладонью он крепко прижал ее лицом к своей груди, а держал, значит, всего лишь одной рукой – да точно ли у него их всего две, почему будто связанная крепко?

– Тихо, лиска, тихо, – шепотом попросил он, склоняясь к самому ее уху. – Поймал я тебя все-таки. Обещай не шуметь – отпущу.

Лиска?! Ириной звал ее лисой и обещал поймать на шапку. А еще раньше называл белкой. Но это был не Ириной, точно не Ириной, и голос не его, и вообще...

Не он.

– Не станешь кричать?

Как будто это было важно – не кричать в лесу в купальскую ночь!

Велька отрицательно мотнула головой, и крепкие объятия тут же ослабли, парень отодвинулся, дал на себя взглянуть, благо луна светила не скупясь.

Незнакомый.

– Не бойся меня, – добавил, – не обижу. И другим не позволю.

Ох ты ж...

– А если я тебя обижу? – лукаво предположила Велька. – Ты, что ли, русалок не боишься?

Она с интересом поглядывала на парня. Высокий, здоровый, широкоплечий, таких в кмети берут, да не куда-нибудь, а в ближнюю дружину. А рубаха холщовая, и не поймешь в потемках, какого цвета, но – крашенная. Вышивка по вороту и рукавам широкой каймой, света маловато, чтобы ее разглядеть. Но вроде не по-здешнему шито. Волосы не темные и не совсем светлые.

Лицо... Хорошее лицо. Вроде не такой красавец, как, к примеру, кариярский княжич Ириной, но хотелось глядеть и глядеть...

Парень только улыбался.

– Поймал я тебя, русалка. Теперь не отпущу.

Нагнулся и быстро поцеловал в щеку, потом в другую, губы его были сухие и горячие. Велька только вздохнула глубоко, не отстраняясь, удивившись попутно – ну надо же, а хорошо как! Приятно...

А сова продолжала ухать, теперь еще ближе.

Морок, что ли, продолжается? Или другой вот-вот затынет, морочней прежнего? А что, нынче ночью все возможно.

– Ты не такая, как они, – сказал парень, показав кивком куда-то далеко. – Я имею в виду, не такая, как все девки в этом лесу.

– На кикимору похожа? – уточнила Велька, наморщив нос. – Или на болотницу?

Парень засмеялся весело, глаза блеснули.

– На русалку! Но не она. Говорю же – не такая.

Вообще-то, он был прав. Отвар не пила – не такая. Но как догадался? Не спросишь – не узнаешь.

Она и спросила, лукаво взглянув исподлобья:

– А как ты догадался?

– Чую. Сейчас не могу точнее сказать, а потом как-нибудь расскажу, – он легонько, почти не коснувшись, погладил ее по щеке. – Будет еще время, лиска.

Ишь ты! Время у него будет! В этом Велька очень сильно сомневалась.

– Человек ли ты? – спросила она требовательно, потихоньку сложив пальцы левой руки в знак, открывающий суть. – И имя свое назови!

Если он из навий, надо сбегать, пока не поздно.

Парень рассмеялся, ответил быстро, не запинаясь:

– Человек я, человек, кто ж еще. Меня Венко зовут. Мы... люди торговые, товары возим. Меха, булат... да чего только не возим. Мы удачливые, серебро в кошелье есть всегда, и невест выбираем, каких захотим. Но я свою вот только нашел, а как зовут ее – не знаю. Имя-то свое назови мне, а, лиска?

Да, он, и верно, человек. У Вельки отлегло от сердца.

– Зовут меня Велей, – не стала она отпираться, – только вряд ли я тебе невестой стану, купец, хоть всем ты хорош. Я тебе не подхожу.

– Подходишь-подходишь... – он придвинулся ближе, – даже не сомневайся. Веля, значит... мне нравится, как тебя зовут.

– Ну, как Светлые Боги рассудят, – вздохнула она, – а только пусти меня сейчас.

– Я русалку поймал и без поцелуя ее никуда не пущу, – он снова улыбался, глядя ей в глаза. – А потом и до рассвета не пущу. И пусть Светлые Боги судят!

Ну да, раз уж поймал...

Можно и не только целоваться. А на беду или на счастье, тут не угадаешь.

А ей от его взгляда хорошо было, тепло и радостно. Целовать ее сейчас его полное право. А вот что касается «до рассвета» – ой, вряд ли!

Но об этом она больше говорить не станет, пусть думает, что хочет.

– Так целуй, что же ты медлишь, – разрешила она.

Он другого приглашения ждать не стал, придвинулся, крепко обнял и нагнулся к ней, чуть приподнимая...

Губы его были такие же горячие, а поцелуй вышел долгий. Сладкий. Даже дышать стало невмочь, и то ли плакать захотелось, то ли смеяться, а по телу словно волны катались жаркие! И как чужое оно стало, тело, и легкое прямо до невозможности...

А парень, прервав поцелуй, стиснул ее так, что и дышать стало почти нельзя. И возражать не хотелось, убегать, прятаться – не хотелось...

Венко...

Имя у него такое, так и катается по языку, так и звенит. Венко, Венко...

Так и звала бы его, кричала бы: Венко!

А у нее дела, между прочим, обещание, сестре данное и не выполненное.

И вообще, княженка она! Княжеская дочь! Можно разве ей с купцом ночью по лесу гулять, даже если это не просто ночь, а Купала! Не обрадуется батюшка-князь такому зятю, это и без ворожбы ясно.

В голове прояснилось, вот и мысли разумные приходиться стали. И до Русальего озера еще добраться надо.

– Пусти меня, Венко! – попросила она, стараясь заглянуть ему в глаза. – Очень прошу. Не надо больше ничего, Венко, – ах, как приятно было по имени его звать, – Венко, я ведь захочу – уйду. Хочешь убедиться? Лучше так пусти, – и, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку.

Ой, зря! Он опять к себе крепко прижал.

– Хочу, хочу посмотреть, как уйдешь! Только не уйдешь ведь!

Велька только хмыкнула. Видали мы таких, уверенных.

Дождавшись, когда он хватку ослабит, она тут же сложила пальцы одной руки в отводящий глаза знак, а на другую, мысленно проговорив нужные слова, тумана намотала, как пышную кудель, и бросила растерявшемуся парню в лицо, а сама проворно скрылась в густой тени меж березами. И бросилась бежать, продолжая твердить отводящее глаза заклинание, – если он и услышит ее шаги и треск веток, ни за что не поймет, откуда звуки доносятся.

Вот и славно.

Велька отдышалась, огляделась, довольно улыбнулась. Словно большой беды миновала!

Так и есть. Никак нельзя было допустить того, что между ними затевалось...

На озере почти все «русалки» уже собрались, кто в хороводе кружил вокруг старой березы, кто просто у воды сидел. Все так же шумно было, хоть то, первое, оживление прошло, девушки успели устать, и теперь мало кого из них тянуло бегать в салочки по берегу. Чаяна, поджав ноги, устроилась на большой коряге, наклонившейся над озером, словно мостки. Ее длинные волосы свисали почти до воды – ни дать ни взять настоящая Водяная Хозяйка, приглядывающая за тем, как резвятся на бережку ее подданные. Кто бы увидел – разум бы потерял...

Никто не увидит. Никто посторонний сюда не приходит и в обычный день, не то что на Купалу, когда ворота в Навий мир распахнуты. Место запретное для всех, кроме девок-русалок...

Княженку ждали, замахали руками, Чаяна сразу слезла с коряги, подбежала, обняла:

– Ну? Что долго, сестренка? Как, видела что?

– погоди, не сразу, дай срок, все будет, – отмахнулась Велька.

А от озерной воды таким холодом несло, прямо убежать захотелось да в шубу завернуться!

– Ладно, – кивнула Чаяна и, замахав руками, повернулась к озеру, – пора, сестрицы, Водяной Хозяин ждет! Встречай в гости, Водяной Хозяин, отворяй, пусти нас в свои сени, свое забирай, а наше обратно отдай! Тебе на радость, нам на здоровье! Тебе на утеху, а нам на достаток! – прокричала она положенные слова и, сняв венок, швырнула его в гладкую черную воду.

Рубаха ее, сброшенная в следующий миг, повисла на той же коряге, а сама княжна, подняв целую кучу брызг, вбежала в озеро и бросилась в воду, поплыла, и тут же ее примеру последовали остальные девушки, и озеро забурило, вспенилось брызгами, закипело от белых девичьих тел.

А холодно все же как...

Раньше было иначе. Хотя вряд ли нынче озеро стало холоднее, чем бывало всегда в это время года.

Велька, уже без венка и рубашки, стояла у самой воды и не решалась шагнуть, хотя понимала, что нельзя медлить. Окунуться и выскочить, и хватит, а стоять и колебаться, привлекать удивленные взгляды – нельзя.

– Что ты? Не стой! – какая-то девушка, не узнавшая ее и принявшая за совсем молоденькую, впервые пришедшую к озеру, решила помочь и сильно толкнула сзади, и Велька полетела в воду.

Холодно!!!

Она попыталась плыть и даже нырнула, но все равно поскорее выбралась на берег, выжала волосы и натянула рубаху на мокрое тело. Полотенце бы!

Никогда, наверное, такого не было, чтобы русалки являлись на озеро с полотенцами! Ну так она и не русалка, теперь уж вовсе никаких в этом сомнений после озера-то. И согреться надо, пробежаться, что ли! И Велька, прикинув, в какой стороне речка и люди, бросилась бежать, петляя между деревьями. Подумаешь, пробежаться малость! И когда острая боль пронзила лодыжку, первым ее чувством было удивление: да что же это такое!

Ясное дело что! Ногу повредила. Русалки почему-то ноги не ранят, хоть носятся по лесу, себя не помня, а обычные, человеческие девки – запросто, особенно если в потемках.

Велька села, ощупывая ногу. Потом попробовала встать, держась за березу, подпрыгнула на одной ноге, попробовала осторожно идти.

Больно! Как же теперь до речки, до купальского костра добраться? А придется как-то! Скоро девушки пойдут здесь, можно будет позвать...

– Ну вот, лиска, снова и попалась.

Оглянулась она и чуть не упала, неловко опершись о больную ногу, – Венко стоял буквально в паре шагов.

– Откуда ты взялся?!

А он смеялся:

– Иди сюда. И не убегай больше, не убежишь! Да, и вот что: захочешь прогнать, я сам уйду. Только не торопись, это успеется.

Он шагнул к ней, и – Велька даже моргнула от удивления – накрыл ей плечи шерстяным плащом, и прижал к себе, согревая.

– А плащ где добыл, когда успел?! – продолжала она удивляться, поскольку ей казалось, что с момента их расставания прошло совсем немного времени.

– Рано тебе еще, лиска, мои секреты знать, – он нагнулся и легонько поцеловал ее в нос. – Ты грейся, а то не лиска, а лягушка холодная. От того холода лучше живым теплом отогреваться, сама ведь знаешь, а, волхвовка?

– Знаю, – шепнула она, – спасибо тебе.

Знать-то она знала, что это за холод, но на своей шкуре ощутила в первый раз, и могла ли подумать, что станет отогреваться после навьей студеной воды в объятиях иноземного купца. И стояла бы так, в его плаще, и прижимаясь к его груди, долго-долго, так хорошо стало, тепло.

– Ты вот что, – сказал он, – не ворожи больше. И не убегай, не бойся меня. Обещаю, что против твоей воли ничего не сделаю. Только что сама захочешь.

– Хорошо, – она кивнула.

Предложение ей нравилось, с какой стороны ни погляди: и не убегать, и ничего против ее воли не будет.

– Могу помочь, если хочешь. Тебе ведь надо помочь?

– С чего ты взял?

– Ты же не просто так нынче не такая, как все. Какой и тебе полагалось бы быть. Потому что волхвовать тебе сегодня хотелось. Да?

– Да, – не стала отпираться Велька. – Догадливый ты, Венко!

– А то. Ну, говори, чем помочь? Если поцелуев не пожалеешь. Уж не взыщи, без платы я не согласен.

– Договорились, – сразу согласилась Велька, такую плату ему она и сама бы охотно платила не считая, до утренней зари, по крайней мере.

– Я ногу подвернула, идти не могу. Может, сумеешь вправить?

– Сядь, – он тут же усадил ее на поваленное дерево, – эта нога?

Распухшую Велькину лодыжку он ощупал не спеша, со знанием дела, потом коротко дернул, она вскрикнула и тут же почувствовала, что нога в порядке и почти не болит.

– погоди, боль уйму, – он держал ее ступню, покачивая, мягко поглаживал, и Велька с удивлением почувствовала, что боль уходит, исчезает вовсе.

– Ты как знахарка! – она улыбнулась. – Спасибо, Венко!

– Почему знахарка? Знахарь! Меня знахарь один и учил. В дороге да на войне такая наука всем нужна, – он помог ей подняться, – ну, ничего? Не болит?

Вместо ответа она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы и тут же спросила:

– Венко, ты в Карияре бывал?

– Я много где бывал, и там тоже.

– Видал кариярских княжичей?

– Ну, видал.

– Старшего среди них указать можешь?

Парень отрицательно мотнул головой.

– А про проклятье их слышал? – не отставала Велька.

Тот лишь пожал плечами.

– Да не особо.

– Ладно, – Велька вздохнула, – мне их сейчас всех четверых отыскать надо на луговине, где гулянье, и взглянуть, но так, чтобы они не заметили. С этим мне можешь помочь?

Венко помедлил, колеблясь, словно раздумывал, надо ли мешаться в такое дело. Но согласился:

– Отыщем-то легко. А что искать-то станешь, метку от проклятья, что ли? – догадался.

– Ну да, – не стала отпираться княженка, – любопытная я вишь какая. Хочу знать, на ком проклятье.

– А я жадный! – он усмехнулся. – Плату буду с тебя без счета брать!

– Возьмешь свою плату, помоги сначала!

– Ну, пошли, – он крепко взял ее за руку. – Да гляди, ступай легче, ногу береги...

Велька, хоть уже не мерзла, так и продолжала кутаться в его плащ. Прошли немного, потом он поднял ее на руки и понес, хоть она и пыталась протестовать, и ему, казалось, вовсе не было тяжело. А ей чем дальше, тем все невозможней было и думать о том, чтобы расстаться с ним на рассвете.

Наконец пришли, стали слышны звуки праздника, и купальский костер, не такой уж высокий, как поначалу, завиднелся меж деревьями. Венко поставил ее на землю.

– Жди меня тут, я быстро. Осмотрюсь, княжичей твоих найду.

Он вернулся скоро, поманил ее за собой:

– Пошли, лиска. Повезло, все четверо вместе сидят.

Они и сидели вместе, четверо кариярских княжичей, возле крошечного костерка, и мерцающий огонь хорошо освещал их, не обманешь. Все четверо были в похожих рубахах из красного шелка, золотом расшитых. А рядом, пятым, расположился молодой боярин Даробож, всегда добродушный и разговорчивый, лишь случится ему хлебнуть хмельного. Видно, и теперь он уже угостился как следует и увлеченно что-то рассказывал, а княжичи, тоже с чашами в руках, придвинулись к нему близко и слушали.

Велька видела их хорошо, а вот они их с Венко так просто не заметили бы, скрытых кустарником и еще темнотой, которая, отодвинувшись от костерка, еще больше сгустилась там, куда не попадал свет. Дополнительно глаза отводить и нужды не было.

Купец стал позади, обнимая Вельку за плечи, каждым движением заявляя свои права на пойманную «русалку».

И впрямь его руки казались горячими, очень горячими даже через толстый плащ, это мешало, не давало вспомнить, что ей, собственно, делать следует. Не просто суть парней этих надо увидеть, а метки колдовские, скрытые, а это непросто! Не каждый смог бы. Бабка Аленья могла. А у Вельки от бабкиных умений – лишь малая толика.

И Венко этот! Принялся еще шею ей целовать, волосы руками перебирая. Приятно, да, но как тут волхвовать?

Она мотнула головой:

– Погоди. Мешаешь.

Он со вздохом убрал руки, отодвинулся.

– Извини. Я подожду.

Эх, сбежать от него надо! А ведь не хочется. И пробовала ведь уже один раз...

Велька все же сосредоточилась, и слова заветные сказались, как надо. Она вгляделась, в каждого поочередно.

Ириней. Взъерошенный, растрепанный, веселый – что естественно, в такой-то праздник. На его рубахе по подолу – золотые птицы. Щека вроде поцарапана, видно, что не сидел степенно у скатерти, пока шло русалье веселье. А меток никаких на нем не видно.

Рядом с Иринеем тот, который Горибор. Он ростом чуток пониже и костью шире. Сидит задумчивый, чашу в руке покачивает, вроде боярина слушает. И на нем меток не видно.

Велемил. Заспорил о чем-то с боярином, потом из чаши отпил, засмеялся. Метка... есть какая-то. Но не такая! Эта осталась, потому что он лечился волшбой не так давно. Значит, опять не то.

Яробран. О, так он дремлет, оказывается, голову на руку уронив. Может, оттого, что медку того живительного хлебнул, тогда как остальные воздержались? А меток на нем тоже нет. Ни на ком, получается, нет? Как же так?

Венко опять придвинулся, склонился к ее уху:

– Ну что, разглядела, что хотела?

Велька досадливо мотнула головой.

– А нечего разглядывать! Венко! Но ведь неправда это. Как они скрыли? Кто-то помогает им, значит, колдун умелый какой-то.

Венко лишь плечами пожал.

– А может, тебе и не стоит лишнего о них знать, раз они того не хотят?

– Да любопытная я, говорю же!

– Что с ними не так, с княжичами?

– Хочу знать, который проклятый, – призналась Велька.

Парень опять пожал плечами.

– И впрямь любопытная. А у кого длинный нос, тому его когда-нибудь дверью прищемят, так у нас говорят. Или на торгу оторвут, – он легонько щелкнул ее по носу, – а носик у тебя загляденье, жалко его будет.

– Да погоди ты, – отмахнулась Велька, напоследок еще вглядевшись.

Все уже. Совсем ничего было не видать, кроме самих парней, мирно сидящих у костра.

– Пойдем-ка, – Венко, приобняв, отвел ее в сторону, – ты поглядела, выполнил я твою просьбу?

– Не совсем, – усмехнулась она, понимая, чего он потребует теперь, – сначала ответь на вопрос, ладно? Ты ведь в Карияре бывал, кое-что слышал? Вы, купцы, много всего знаете, что вас вроде и не касается? Скажешь, нет?

– Скажу, что да, – улыбнулся Венко, – на том стоим. Иногда лишнее знание и жизнь, и мощну бережет, дело наше такое, торговое. Это у князя советников много, а у купца только своя голова.

– Скажи, княжичей кариярских всего четверо? Или больше?

– Всего четверо, – не помедлил он с ответом, – не больше и не меньше.

– А старший среди них который – знаешь?

– Лет больше всего Велемилу. Другое не скажу. Пойди сама да и спроси у них, тебе ведь не впервой, я видел.

– Видел, это где же? – вскинулась Велька.

– Да сегодня утром, на торгу. Я и другое видел, что похуже будет! – Он крепко стиснул ее плечи. – Я про купцов лесованских, поняла, про кого?

– Лесованских, говоришь. А раньше мне сказали, что оборотни это.

– Ну да. Лесованью землю их зовут, а живут там как раз оборотни: рыси, волки, еще кое-кто. Арьи еще... остались. А те твои знакомцы... они волки. Старшего Касметом зовут, он волчью суть имеет, и он колдун. Тебе бы лучше его поостеречься. Не понимаешь почему? – он запрокинул ее голову, заглянул в глаза, как ни мало это было возможно в потемках. – Ты ведь арья на какую-то часть?

– Кто я? – удивилась Велька. – Я о таком народе не знаю.

– А знаки их на шее носишь, около сердца, где самому дорогому место. Что, совсем ничего про арьев не знаешь? А по облику твоему я бы еще сказал, что и рысья кровь в тебе есть, а может, лисья, но только чуть. Но я не слишком в этом разбираюсь.

– И арья какая-то я, и еще лиса или рысь! – Велька расхохоталась, от удивления, быть может. – Не страшно тебе меня в жены звать?

– А чего страшного? Какая ты есть, такая мне и полюбилась. Моя, не отдам никому, – он широко улыбнулся, так, что блеснули его глаза и белые зубы.

– И у меня не спросишь, пойду ли?

– Так тут твой ответ, на ладони, вижу я его. А у батюшки твоего спросим, как же без этого.

– Ах ты! – Велька хотела было рассердиться, но вместо этого опять рассмеялась. – Расскажи мне еще про арьев, что это за народ?

Бабка Аленья была пришлая, чужая, и никогда о прошлом своем не говорила. Значит, она арьей была и пришла из земли, называемой Лесованью, где жила поблизости от оборотней. И ее обереги ясно об этом говорят тому, кто знает...

– Арьи пришли в Лесовань позже оборотней, – заговорил он негромко, с расстановкой, иногда задумываясь, как бы получше сказать, – точнее, оборотни говорят, что жили там всегда. Арьи пришли и заняли землю, которая пустовала, местные боги и духи их приняли, дав им право на землю. Так говорят, я сам в таких вещах смыслю мало. Но народы, бывает, множатся, и им становится мало земли. Арьи не разрослись, остались слабым племенем. Их главная сила в огневой волшбе, хотя и немногие из них ею владеют. Но самые сильные Огневые Хозяйки были арьями. Их вроде осталось совсем мало, даже не Хозяек, а просто огневых волхвовок, даже слабеньких, которые лишь немного сильнее тебя. Все оборотни почитают Кару, огневую богиню, все в Лесном Краю ее почитают, и в Карияре, кстати, тоже. Потому что лес боится огня, ты же понимаешь. У оборотней редко рождаются свои Огневые Хозяйки, чаще их огневые волхвы – из арьев.

– Все равно не очень понятно, – вздохнула Велька. – Почему он, тот купец, вздумал предъявлять права на меня? С какой стати?

– Да-да, – Венко опять крепко ее обнял, – я хотел тебе сказать об этом, но позже. Тебе надо снять те знаки и никогда не надевать их. И не ходить больше на торг, неважно, одной или с кем-то. Хорошо бы Касмет просто забыл о тебе, мало ли арьев-полукровок можно где-нибудь встретить. А насчет его прав, знай, что некоторые роды арьев находятся под полной властью оборотней. Они проиграли войну. Они практически принадлежат оборотням, как рабы, ничего не могут решать за себя. Оборотень может взять любую женщину у арьев, если пожелает. И только благодаря огненным волхвовкам с арьями еще как-то считаются, их у них по-прежнему больше, чем где-то еще. А служат эти волхвовки оборотням-лесованам.

– Вот как, – Велька кусала губы, осмысливая услышанное.

Получается, бабка Аленья и ушла из родного племени, чтобы не быть холопкой у оборотней-волков! Она не рассказывала о своем народе, как будто и думать о нем забыла, отдала дочь в жены вериложскому князю, которому поручила и судьбу внучки, и умерла, ни о чем не беспокоясь. И вот ее прошлое настигло Вельку, потому что та стала носить ее обереги.

– Здесь не Лесовань эта! – Велька вскинула голову. – Здесь у него права нет меня тронуть, кем бы ни была для него моя бабка, мало ли! Он, лесован, не в жены ведь меня взять задумал, как считаешь?

– Не знаю. Мне ты вот сразу полюбила, может, и ему тоже? – он погладил ее волосы, пропуская между пальцев пряди. – Но не ходи больше на торг, ни за каким делом, обещаешь мне? Обещай, а не то...

– А не то что?

– Я подумаю, стоит ли мне некоторые свои обещания помнить! Тогда уже моя будешь, а не ему по глупости достанешься!

– А ты, купец, подумал, что сказал?! – тут уж Велька изо всех сил постаралась рассердиться.

Хотела, но не получалось.

– Обещаю я, обещаю, – сказала она уверенно, – ты меня напугал, вряд ли кто сумел бы лучше! Ни шагу на порог, пока они в городе, волки эти.

Так-то в самые ближние дни Велька надеялась уехать домой, в Синь. Но теперь, одной, пускаться в такой путь что-то расхотелось. И ладно, побудет она в Верилоге, сестру проводит. Отец не откажет.

И чего ей бояться, в самом-то деле, в отцовских хоромах за высоким забором?

– Вот и хорошо, – он привлек ее к себе и осторожно поцеловал в губы. И вдруг спросил: – А скажи-ка мне, лиска моя, сколько княжон в Верилоге вашем славном?

Велька моргнула от удивления, так не ждала подобного вопроса. Но с собой справилась, улыбнулась:

– Как сколько княжон? Одна-единственная, Чаяна Велеславна. Это все знают.

– Понятно, – кивнул Венко, – княгиня только одна бывает, и дочери ее княжнами зовутся. Но, помимо княгини, у князя ведь и меньшицы могут быть? А меньшицыных дочек как у вас зовут? Княженками? – и голос его так звучал, словно Венко улыбался хитро.

Вот так вопрос! Велькино сердечко тревожно застучало. Почему он об этом спросил, о чем догадался?

– Должно быть, так, – согласилась она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – А в других местах иначе?

– По-всякому, – Венко огляделся, снял с нее плащ и бросил под куст, – мы еще через костер не прыгали, а ведь надо? Не удержу тебя, тогда и говори, что не гожусь в мужья!

– А моя нога?

– Говорю же, удержу!

– Тогда подожди, только веночек сплету.

Тот русалий венок остался то ли у озера, то ли в нем, а выходить к костру следовало в новом. Ну да на венок много времени не требовалось, Велька его в два счета скрутила из гибких березовых веточек, добавив к ним тех трав, что нашлись под ногами. Чтобы веточки березовые сломать, повинилась перед березой, разрешения попросила, как положено. Та пошелестела ветвями, позволяя. К костру княженка шла в обнимку с Венко, и было легко и весело. Хотелось с ним прыгнуть, хотелось, чтобы удержал, чтобы сумели они не разжать рук над священным пламенем. Как будто ей и правда за Венко замуж идти!

Не идти, конечно. Только в кошунах случается, чтобы купец княжескую дочь в жены взял, да и там купец ради такого должен большой подвиг совершить, Жар-птицу поймать или молодильные яблоки украсть, при этом железные башмаки стоптать, и еще чего только он не должен! Но хоть помечтать – можно? До рассвета, не дольше?

Через костер они прыгнули ловко, перенеслись так, будто были одним целым. А Вельке показалось, что ее заслуги в том было мало, это Венко прыгал, крепко держа ее, а она просто позволила перенести себя через огонь. И тут же они отошли прочь, от шума, от гвалта и радостных криков, не только затем, чтобы дать место следующей паре, а просто чтобы уйти вместе, в этой праздничной суматохе им было больше нечего делать.

– Что, пора нам папоротников цвет поискать? – предложил Венко, снова мягко сжав ее в объятиях. – А ну как найдем, и клад нам откроется ценою в весь Верилог? Ты не бойся, милая, я обещания не забыл. А ты, кстати, поцелуй мне без счета обещала – не забыла?

– Сначала – папоротников цвет! Это ты хорошо придумал! – смеялась Велька.

А до рассвета все еще долго было, так долго, что, кажется, и не будет его в этой жизни, рассвета...

Рассвет, конечно, наступил, но жизнь словно и впрямь стала уже другая, следующая. Или, может, просто во сне Велька гуляла с парнем по ночному лесу, забыв про какие-то там цветки папоротника, которые мало кто из живых когда-нибудь видал. А потом они вышли к речному берегу, поодаль от праздничного гулянья, и устроились за ивняком, на поваленном дереве, которое оказалось на диво удобным, не хуже лавки в горнице – если при этом прижиматься плечом к широкой, теплой груди Венко. Они говорили о чем-то, уже и забылось о чем! И целовались, а потом опять говорили, и опять целовались. А потом она задремала, а когда открыла глаза – уже был рассвет. А Венко рядом не было.

Они не попрощались. И ни о чем не условились. Вот был Венко – и пропал, нет его!

– Ах, княженка! – над Велькой заботливо склонилась челядинка с княжьего двора. – Княгинюшка уж беспокоится, всех погнала тебя искать! Леший не заморочил ли? Всю ночь где-то пропадала!

– Все хорошо... Ветелка, – не сразу вспомнила Велька имя женщины. – А леший... Может, леший то и был.

– Ох, Матушка Макошь! – Ветелка, не теряя времени, споро опоясала княженку поневою, остро стрельнув глазами по подолу ее рубахи – леший-то леший, а мало ли что, туго затянула гашик, а на плечи ей набросила большой платок. – Все ли ладно, княженка? – она пытливо заглядывала Вельке в глаза.

– Да все хорошо, Ветелка, не было лешего, – улыбнулась Велька, – пошутила я. Это я заплутала что-то, а потом сама не знаю, как заснула. Все хорошо.

– Заплутала? Значит, все же леший! – всплеснула руками женщина. – Не подходил, не показывался? А может?.. Ох, княженка!

– Да нет же, нет! – Велька засмеялась и поняла, что вот теперь проснулась окончательно.

А что случилось этой ночью, того больше нет. А есть рассвет. И все то, что всегда было и, надо полагать, будет еще долго. Значит, теперь первейшее дело – это косу заплести...

Глава 5

Сговор

Мало кто из добрых людей не приляжет поспать после купальской ночи. Когда Велька домой пришла, в их с Чаяной тереме тишина стояла, уставшие девки спали, кто в сенях, кто где. А Чаяна сидела у Вельки в горнице, ждала. Увидела – вскочила, подбежала, заглянула в глаза:

– Ну что? Видела?

Велька головой покачала.

– Не видела. Среди тех четверых ни на ком проклятья не видно.

Сестрица вздохнула.

– Матушка то же говорит. Что проклятого нет! Получается, и жениха моего среди них нет?

Выходит, и правда подрядила кого-то княгиня княжичей смотреть, и кого-то знающего, не то что княженка, волхвовка-недоучка. Может, и не стоило Вельке за это дело браться, пила бы русалий отвар и была бы как все.

Тогда бы она Венко не встретила. Не обнимал бы он ее всю заветную ночь, не целовал бы, не шептал бы ласковые слова...

– Ладно, сестренка, – потупившись, махнула рукой Чаяна. – Будь что будет. А ты где была-то, что тебя и не видали почти? – она придвинулась, заглянула в глаза. – А через костер с кем прыгала? Кто таков?

– Видела, значит? Купец один, – не стала Велька скрывать. – Сплоховала я, он меня изловил еще до озера. Так и ходил за мной всю ночь.

– Да ты что? – изумилась и развеселилась сестра. – Купец? И ты всю ночь с ним хороводилась? И через костер прыгнула! А ну как вообразит он себе лишнее да явится свататься? Что батюшка скажет?

Вот об таком Велька как-то не подумала. А ведь вполне возможно. Просить руку княжеской дочки Венко вряд ли решился бы, но ведь он ее челядинкой считает, она на ярмарке так называлась!

Вот тут все и откроется. Повеселятся люди. А отец осерчает, это и к ведунье не ходи.

– Что? – Чаяна не сводила с нее глаз. – Ничего ему не наобещала? А задаточка не дала, случаем, раз он – еще до озера?..

– Нет! – отрезала Велька. – А ты, сестрица, не скучала? Небось все четверо женихов проходу не давали?

– Да меня столько нянек пасли, как с озера вернулись, что куда там женихам! – хихикнула Чаяна. – Будто сама не знаешь, как бывает. Через костер прыгнула, правда. С каждым.

– И что?

– А ничего! – отчего-то княжна вдруг разозлилась. – Прыгнула, и все! Знаешь, я так спать хочу, что себя не помню. Давай-ка, что ли, отдохнем малость?..

Ушла она. Велька вытянулась на лежанке, подбив поудобнее подушки.

Завидует, что ли, сестрица? Ее сторожили. Кто бы ей наговорил сладких слов о любви, от которых у нее, у Вельки, до сих пор голова кружится? Княжичи, конечно, могли бы. А лучше, если тот, старший-проклятый, кому ее сватают. Да хоть бы и все сразу! Никто бы не сказал, что это неправильно...

Вспомнилось ей, как Венко-купец спросил, сколько княжон в Верилоге, и помянул, кто есть княженка. А ну как не просто так говорил? Знал ли он, что она и есть княженка?

Да нет, откуда?!

Он сказал, что на ярмарке ее видел. А про княженку ему кто угодно мог рассказать. Никакая не тайна, что у князя есть меньшая дочь, которая живет не в отцовском доме, а в дальней веси и которая княгине Дарице падчерица. Потому и не стоит спрашивать, сколько в Верилоге княжон, если хочешь узнать, сколько дочерей у вериложского князя.

А спрашивать, сколько княжичей в Карияре, – это можно?..

Так и заснула Велька, ни до чего путного не додумавшись. И сон ей снился чудной, птицы золотые, и много-много было их, целая стая, и будто рвались они ввысь, рвались, кричали, крыльями били, а улететь не могли. И жалко было Вельке этих птиц, так жалко, что словами и не расскажешь! Она даже заплакала от жалости к диковинным птицам, которым ни за что на волю не улететь. А когда проснулась, и наяву глаза были мокрые.

Ну что это за сон такой, к чему?..

Не торопясь, пробуждался княжий двор после Купалы. Столы пировальные стали накрывать, когда полдень уже миновал и красно солнышко покатилося вниз. Все столы – во дворе, и княжеский тоже, чтобы князя с княгиней всем издалека видно было. Которые столы для князя и самых почетных его гостей, те скатертями застелили праздничными, браными¹⁵, дальние не застилали вовсе – ну, это как водится, где же столько скатертей напасти и как их отмывать потом, после пира, это одной ключнице княгининой ведомо. На княжеском месте на скамью ковер постелили с дивными птицами. Сперва пироги всякие поставили, да пиво и меды в корчагах, да душистый взвар, чтобы всякий пришедший сразу мог отведать, чего душа запросит.

Девичий терем¹⁶, само собой, позади всех стоял, так что главного крыльца и площади перед стольной палатой из его окошек не увидеть. Потому Велька, наскоро умывшись и приодевшись, пробралась в сени возле кухни, отодвинула заслонку на окошке, выглянула – вот отсюда видно было все.

Народ на дворе уже собирался, бояре с женами, и нарочитые горожане¹⁷, и старосты всех концов городских. А за воротами вовсе толпа стояла, из купцов, мастеровых, люда проезжего. Купцам, недавно прибывшим, перед завтрашним торгом положено было князю поклониться подарками, а иным и дело какое разобрать, и о нужде своей попросить. А после и про то, что дочь отдает в Карияр, князь сударю-Верилогу, городу своему стольному, и объявит. Вон сколько дел, только и названия, что пир. А Вельки там, сказано уже, опять не будет. Но теперь это ее, скорее, радовало. И купцов-оборотней она боялась, могут ведь явиться с подарками, увидят – и куда глаза девать? И что Венко рассказал про оборотней и про арьев, ей совсем не нравилось. Лучше уж больше ни с какими оборотнями не встречаться, недаром и бабка Аленья их не жаловала. Другая тревога – Венко. А ну как все же он сюда заглянет нынче?

Сон не сон, леший не леший, кто бы ни был он, а только не сомневалась княженка Велья, что не будет в ближние дни у нее дум желанней, чем об этом молодом купце. И в то же время она не сомневалась, что видеться им больше не нужно. Чаяна верно тогда говорила: дочери у князя рождаются не для своего счастья, а для долга. Замуж им выходить за кого отец велит, а уж чтобы за купца – никогда. Так пусть лучше и не узнает парень, что за русалку поймал он на нынешнюю Купалу. А потом, со временем, все и забудется.

– Княженка, – окликнули ее негромко.

Велька отпрянула от окошка, обернулась. На нее смотрела высокая худощавая старуха в темном платке, опершаяся на длинный, выше ее роста, резной посох, – Даруна, старшая волхва из Ладиного святилища. Видно, только что вышла из кухни.

¹⁵ *Браная ткань* – ткань с вытканым узором, который получается путем отбора нитей основы, а иногда и введением дополнительного челнока с нитью другого цвета. Ручное тканье – вообще процесс небыстрый, а возня с узорами удлиняет его в разы, и, соответственно, стоимость ткани тоже возрастает. Так что браная скатерть – вещь дорогая и является признаком богатства.

¹⁶ *Девичий терем* – терем, в котором жили взрослые дочери князя со своей прислугой; находился в глубине двора.

¹⁷ *Нарочитые горожане, муржи* – уважаемые, облеченные доверием, элита города.

– Матушка Даруна, – Велька поклонилась.

Волхва протянула сухую, как ветка, руку, погладила Вельку по плечу. Глаза ее, несмотря на старость, смотрели, как всегда, светло и ясно, и – горестно, и впервые Велька поежилась под этим взглядом.

Волхва качала головой.

– Смотрела, девонька, я на воду для сестрицы твоей, и для тебя тоже. Непростая у тебя дорога. Ты поосторожничай, милая.

У Вельки холодок пробежал по коже.

– Мне в дорогу отправиться предстоит, матушка? А куда же?

Тонкие губы старухи дрогнули в еле заметной улыбке.

– Может, и предстоит. Я не про то. Я про судьбу твою говорю. И год, и два назад не видела я злого, а теперь вижу. Может, время пришло, вот и открылось. Ты в возраст вошла. Судьба ведь, она как река, редко сворачивает с того, что положено.

– И что же будет? – осторожно спросила Велька, не очень рассчитывая услышать определенный ответ.

Так и вышло.

– Может, помогут тебе, – вздохнула волхва, – так ты не отказывайся. А не то к нам приходи, в святилище, проживешь до будущей весны, а там, глядишь, что-то и изменится. У нас безопасно, никакая злая судьба не достанет, – она посмотрела пристально, повторила: – Никакая не достанет. Подумай.

Жить год с Даруной и другими волхвами, их там три сейчас, в избушке при капище, за высоким тыном, она самой молодой была бы. Как птичкой в клетке, взаперти. Будто не жизнь жить, а быть около жизни. Ничего не случится, ни плохого, ни хорошего. Да и то, кто знает?..

Не хотелось такого Вельке.

– Спасибо, матушка Даруна, – сказала она, – да только ведь от судьбы и на коне не укачешь.

– Это верно, – закивала волхва, – тебе ведь может и по силам все оказаться. Если помогут, – опять добавила она, глядя на Вельку со значением. – Так ты всякую помощь принимай, не отказывайся.

– Хорошо, матушка, – пообещала Велька.

Да уж, небось не станет она отказываться от помощи-то.

– Ты жар-птиц бойся, – добавила волхва тихо, – чтобы не разорвали и не заклевали. Они такие, девонька. Ненасытные бывают, злые.

Велька так и застыла.

Живо вспомнились золотые птицы из сна и как их жаль было. А они ее – разорвут?..

– Ну, гляди, – Даруна кивнула, – надумаешь, так приходи, не прогоним, – и повернулась, пошла к выходу.

– Матушка, – не удержалась Велька, – а эти птицы, я где их встречу? Неужто тут, наяву? Они – что?

– Не знаю, милая, – волхва обернулась, качнула головой.

И ушла.

А Вельке безумно захотелось к себе в горницу, забиться там в самый темный угол и сидеть долго. Да за что же ей это? И любимого изволь забыть, и оборотни что-то от нее хотят, и судьба впереди злая, и птицы прожорливые...

Любимого – забыть? Вот так, само сказалось, само назвалось. Венко, значит, ее любимый. Хотя это еще посмотреть, если забудется через пару дней, как морок дурной, так оно и ладно. А прятаться в горнице она не станет, не дело это. Тут, за окошком, столько всего интересного случиться может, нельзя ведь пропустить.

А волхва Даруна чего приходила-то? Конечно, удивительного в этом нет, и почет Даруне полагается всегда и всюду в Верилоге, и лучшее место, само собой, – с княгининой стороны, поперед боярынь. Только нечасто приходила она раньше за княжеский стол, если только по обряду не полагалось, а нынче пришла. Значит, княгиня звала? Или сама Даруна захотела – поговорить, упредить?

А во дворе тем временем зашумели, загомонили. Отец, князь, с высокого крыльца спустился, у стола встал со своей стороны, княгиню поджидая. И та уже шла, боярынями окруженная, от другого крыльца, и Чаяна с ними. Встали князь и княгиня рядом, народу поклонились, и все, кто во дворе собрались, поклонились тоже, куда как ниже.

Ворота на княжий двор, и так незапертые, распахнули теперь настужь: дескать, всякому тут сегодня рады. Однако кмети из стражной дружины у ворот выстроились – рады-то всем, но за порядком смотреть надо.

Толпой зашли купцы. Взгляд Вельки заметался по множеству незнакомых лиц, отыскивая среди них одно, то, что и хотела увидеть, и боялась того до дрожи. Но нет, не было Венко. Зато...

Других она сразу разглядела, тех, кого и боялась видеть, и не хотела. Обратной. Они пришли, трое. Впереди стоял старший, он держал в руках блюдо, накрытое полотном. Касмет. Так вроде Венко его называл?..

Все купцы подарки принесли, у всех что-то да было в руках: блюда накрытые, мешки, ларчики. Может, и оборотни просто князю поклониться пришли и не помнят уже про встреченную на торгу девку? Мало ли их, девок.

Вот первый купец подошел, поклонился, связку мехов из мешка достал. Отец благосклонно кивнул. Словами перемолвились: да откуда едете, и все ли ладно, и да будет добрый торг вам и хорошая дорога. Все как обычно. Слышно было Вельке не так чтобы хорошо, однако разобрать можно. Вот Чаяна поднялась, подала купцу рог резной с медом, и князь тоже свой рог приподнял, выпили. Велька давно знала, что у отца в роге не мед, а взвар густой налит из сухих прошлогодних яблок. Это понятно, если отец с каждым купцом хмельной мед распивать станет, то ясную голову долго не сохранит, а она ему нынче до самого заката надобна.

Вот другие купцы подошли, с резным ларчиком, и за ними следующие, и всем Чаяна рог хмельной подавала. К вечеру сестрица и ног чують не будет, и лица различать перестанет, а улыбаться будет гостям все так же ласково, каждому, будто ему одному рада – не подведет многолетняя выучка.

Вот и оборотни к князю приблизились. Слова говорят обычные, как все...

Касмет полотно с блюда снял, князю с поклоном протянул то, что простая тонкая ткань больше не скрывала. Что-то длинное, обернутое в красное.

Отец даже привстал, принимая в руки редкий дар: драгоценный клинок, замотанный в красный шелк. Меч.

Вот он отвернул ткань, но совсем не убрал, продолжая держать через нее, всмотрелся, и лицо его осветилось восторгом. Вокруг переглядывались, локтями друг дружку толкали. Давненько князю ни с того ни с сего таких вещей не дарили! Не простой дар, за такое наверняка что-то попросят.

Вельке и самой взглянуть захотелось. Самые лучшие, дорогие досские клинки лишний раз стараются в руки не брать, чтобы не портить, а берут через ткань, особенно у купцов в лавках это принято. Только шелк для этого дела, конечно, баловство. Старый дядька Хорт, оружейный княжеский, считает, что чистая льняная ткань самая то будет. А шелк... Может, и правда меч совершенно особый, а может, пыль в глаза...

Только девку-холопку во много раз дешевле купить можно.

Вот отец сказал:

– Хотел бы и я вас подарком порадовать, гости дорогие. Может, подскажете каким?

Тут Велька вся превратилась в слух. И недаром.

– По душе мне одна твоя девка-челядинка, княже. Если подаришь, о другом и мечтать не стану.

Не ожидали за столами такого, загомонили, многие засмеялись – а что, дело молодое, дескать! И батюшка-князь улыбался, и княгиня, и боярыни переглядывались.

– Я-то не против, – сказал князь, – только не вся моя челядь холопы. А вольную как же я тебе отдам? Это тебе полюбовно с ее родителями решить надо. Я в этом деле неволить не могу. Что за девка-то, как зовут?

– Имени я не знаю, – сказал Касмет. – Не позовешь ли сюда всех?

Переглянувшись с княгиней Дарицей, князь кивнул, подозвал отрока, приказал. Хоть и было это происшествие ненужной задержкой, но, похоже, многим стало любопытно, кого желает иноземец получить так задорого. Да и Купала только прошла, подогрев кровь даже седым отцам, что уж говорить про молодежь. Пригожий и богатый купец ищет полюбившуюся девку и за ценой не стоит – будет про что вечерами байки рассказывать.

Приказ исполнили быстро, все девки со двора выстроились перед купцами. Оборотень только мазнул по ним взглядом и отвернулся:

– Нужной мне здесь нет, княже.

– Так и у меня других нет, – развел руками князь и махнул, отпуская девок, – не обессудь, гость дорогой, найди в городе свою любушку, а там и решим.

И Чайна по знаку княгини взяла рог с медом, шагнула к купцам, чтобы подать. По-всеми, теперь следовало бы оборотню мед выпить и в сторонку отойти, другим не мешать. Но Касмет на княжну-красавицу и не взглянул.

– Девка эта моя, светлый князь! – заявил он, повысив голос. – У меня на нее права, кровью скрепленные. Ее род принадлежит моему роду!

Все умолкли, тишина повисла, смеяться, зубоскалить никому не захотелось.

– Ты говоришь, что я прячу у себя твою холопку? Или как?.. – удивился князь Велеслав.

– Нет, княже, – не опустил глаз оборотень, – ты можешь того и не знать. Она, полагаю, дочь или внучка той, что принадлежала мне... то есть нам, и право это, повторю, кровно закреплено.

– Услышал я тебя, гость дорогой, – медленно, мягко сказал князь. – Только ведь, знаешь ли, мы тут по своим законам живем, не по вашим. Ты о договоре каком-то говоришь, когда целый род в холопах у твоего рода? Не в ходу у нас такое. У нас, если холопка от вольного родила, то дитя ее вольным считается и роду отца принадлежит. И спустя семь лет прав на холопку ту предъявлять нельзя. Но полюбовно можно выкуп и спросить, и получить, хоть и больше лет прошло, чтобы обиды не было, – желаешь? Опять же, сначала девку найти надо.

Упрямый купец отступить не стал.

– Прости, княже, – сказал он резко, – вот эти гости твои, знатные карьерские мужи, могут подтвердить, что вчера утром девка с торго сюда пришла, мой человек видел, – и он показал на карьерцев, что сидели рядом с князем, Велька ясно видела Иринея и пожилого бородатого боярина с ним рядом.

Иринея глядел хмуро и даже не шевельнулся, чтобы подтвердить или опровергнуть услышанное. Да и князь уже легко мог бы заподозрить, о какой девке-челядинке речь, стоило бы ему лишь вспомнить, кого на его глазах привели карьерцы с торго вчерашним утром. Во всяком случае, улыбаться князь перестал.

– Что ж, – сказал он громко, опершись ладонями о стол, – раз отдариться не могу, то и подарка вашего, не обессудьте, принимать не стану. Пусть боги найдут того, кто меч такого достоин, а у меня и так в оружейной не пусто. Мир вам, добрые люди, – и Касмету подали его меч.

Вернули подарок. Оборотень меч взял, резко поклонился князю, повернулся и ушел прочь, спутники едва за ним поспевали. Велька взглядом его проводила до самых ворот.

Да, ушел. И откуда напасть такая, Матушка Макошь?

Подарок у купца князь не принял, значит, и торговать ему в Верилоге разрешения нет. Если Касмет того еще не понял, завтра на торгу ему мытник¹⁸ объяснит. Да только оборотень этот тертым калачом кажется, наверняка знает все. Теперь уедет он из Верилога немедленно, делать ему тут нечего больше.

Что-то коснулось ее ноги, Велька обернулась, радостно всхлипнула: Волкобой! Пробрался в сени и теперь терся о ее ногу – хотел, чтобы погладила, должно быть.

– Ох, Волкобоюшка, – Велька бросилась, обхватила собаку обеими руками, обняла. – Хороший мой. Они ведь ушли, оборотни, совсем ушли, да? Больше не вернуться?

Пес лизнул ее в щеку, потом в нос, языком горячим, шершавым.

– Ладно, Волкобоюшка, – всхлипнула Велька в последний раз. – Помогите нам Светлые Боги, чтобы не вернулись они больше никогда. Давай дальше посмотрим. Вдруг Венко придет? Ох, Волкобоюшка, вот бы еще разок его увидеть, самый последний. А он чтобы не видел меня! Как считаешь, он придет?

Надежда на это оставалась, многие купцы еще за воротами стояли. Венко мог бы сопровождать кого-то из своих. И Вельке вдруг неистово захотелось еще разок на него взглянуть, только чтобы он не вздумал никаких челядинок искать и тем паче свататься!

А Волкобой на этот счет, похоже, мнения не имел. Только лизнул Вельку разок в ладонь.

Долго еще шли купцы, а Венко и не было. Вот и последний торговый гость вручил свой дар князю и Верилогу и выпил свой мед. Настало время к другим делам переходить.

Князь встал, руку поднял – стало тихо. Кашлянул князь в кулак и заговорил:

– Сами видите, люди вериложские, что Светлые Боги на нас вроде не гnevаются. И закрома не пустые у нас, и торговля добрая, и ловы¹⁹ не напрасные, и детишек здоровых да крепких рождается много! Мы за это Богов наших и чуров-заступников благодарим и благодарить не устанем! Так ведь?

Одобрительный гул волной пробежал по толпе и быстро стих. Все правильно князь сказал, только ведь это, как говорится, только присказка.

– И вот думаю я, люди вериложские, как бы не разгневать мне их, Богов наших и чуров, тем, что голубку, в моих палатах выросшую, все взаперти держу! А ей давно уж пора лететь отсюда, свое гнездо вить! И внуками порадовать меня, и чуров моих, и весь Верилог. И дружба наша чтобы с добрыми людьми, у которых она гнездо совет, крепкой была, всем на счастье и на достаток. Вот такая весть у меня для вас!

Народ во дворе зашумел радостно. И то сказать, весть была вполне ожидаемой, мало какую «голубку» в Верилоге до семнадцати лет «взаперти держали». Княжна, конечно, не то что другие девки, но и у нее ведь сроки есть, с которыми ничего не поделать.

– Княжна ваша, Чаяна Велеславна, в Лесной Край поедет, в Карияр, по давнему уговору с князем тамошним, чтобы когда-нибудь княгиней кариярской стать. И чуры это благословили, и жертвы, что мы принесли, приняты были хорошо!

Добавление про чуров и жертвы казалось кстати. Хотя многим было без разницы, кому отдавать княжну, князю-то виднее, немало нашлось и таких, кто вспомнил про проклятье на Карияре и не порадовался грядущему родству. Да-да, князья роднятся – это и земли их роднятся, и удача, милость Богов Светлых! Не шутки это! А у кариярцев проклятье...

---

¹⁸ Мытник – сборщик мыта (налогов).

¹⁹ Лов – охота.

Все равно, люди шумели, переглядывались. На Чаяну глядели, нарядную, сверкающую, как на птицу из сварожьего сада²⁰, та стояла, побледнев и потупившись. Вот сейчас все слова будут сказаны, и обратно не повернешь.

Встал боярин, что сидел рядом с Иринеем, старший над карьерским посольством, поклонился князю с княгиней и хотел было уже заговорить, чтобы довершить дело, как вдруг княгиня Дарица тоже поднялась со своего места. И даже князь Велеслав поглядел на нее удивленно – не ожидал.

– Все так, люди вериложские! – заговорила княгиня негромко, но голос ее в тишине слышен был далеко. – Но ответь сначала, боярин Мирята Веденич, здесь ли тот, за кого сватают мою дочь? Приехал ли с тобой старший сын твоего князя?

Боярин перед ответом малость помедлил. Сказал вкрадчиво:

– Да, княгиня, приехал он. Дело молодое, не захотел парень ожиданием маяться. И так затянули со свадьбой, верно, княгинюшка? Отпустил его наш князь, хоть и, видят боги, забот у него дома хватает.

Княгиня кивнула, но, видя ее недоверчивый взгляд, боярин продолжал:

– Да только не укажу я его тебе. Так у нас полагается. Мы ведь тоже хоть чужие законы уважаем, но живем-то по своим, и к ним уважения хотим.

Сдержанный ропот пронесся по двору, как волна, и снова стало тихо. Возразить боярину было нечего, все, им сказанное, казалось хоть и не совсем обычным, но простым и правильным. И то, что среди приехавших княжичей, молодцов хоть куда, один был женихом княжны, пожелавшим сократить ожидание, тоже было понятно. Дело-то молодое! А если законы в Карияре малость не те, что тут, и жениху до возвращения домой даже назваться невесте нельзя, то вроде ничего страшного в этом и нет. Так или иначе, приехали бы послы да увезли княжну, и она бы увиделась с женихом уже в Карияре – невелика разница.

А боярин добавил:

– Сединой своей клянусь, и еще поклянусь, чем хочешь, не о чем тебе беспокоиться, княгиня. Живем мы богато. Какие сыновья рождаются у наших князей, ты сама видишь, – он показал на четырех парней, – а что до проклятья одной сумасшедшей волхвы, то мы не лыком шиты и с ним живем не тужим, не больно оно и мешает. Но не обессудь, всю правду про то проклятье невесты княжеские узнают, когда женами становятся. И то, бывает, долго не догадываются, – боярин лукаво усмехнулся, – не бойся, княгиня, не будет от этого никакого убытку твоей дочери!

– Что ж, верю тебе, боярин! – кивнула Дарица. – Только скажу еще кое-что важное! Ведь знаешь ты, что муж мой дочь вам пообещал, когда она родилась только-только. И меня не спросил. А судьбу дочерей не след без матери решать, был у наших чуров такой обычай, и у ваших, наверное, тоже был! Так, Мирята Веденич?

– Так, – не стал спорить боярин, напротив, он доброжелательно улыбался. – Да только уже решенного этим не отменить. То ваши с князем дела, княгиня!

– А я и не хочу отменить! – быстро сказала княгиня Дарица, коснувшись руки князя и этим как бы умоляя его не вмешиваться и дать ей договорить. – Муж надо мной закон, и если он слово дал, я спорить не буду! Поедет моя дочь в Карияр, и быть ей там женой вашего княжича. Об этом договор ведь был? Но я своей материнской властью условие поставлю. Княжичей у вас, гляжу я, достаток, жениха назвать не хотите, так пусть моя дочь из них сама себе суженого и выберет. Из своих рук я в руки богов судьбу дочки своей отдаю, пусть они ее решают, пусть Лада Светлая за ее выбором присмотрит. Это моя воля, боярин, иначе благословения моего не будет!

---

²⁰ Почти то же, что и рай в современном понимании.

Никто, как видно, такого не ждал. Тихо стало во дворе, так тихо, что, казалось, каждую муху услышать бы можно, если пролетит. Князь, тот только крикнул и усы ладонью погладил. Если ему и не понравилось что-то, то при народе своевольную жену не увещевают, да и как тут возражать, если судьбу дочки не абы кому, а самой Ладе, светлой и животворящей богине любви и доли женской, поручили. И верно, получается, что хоть обещание будет выполнено, но за проклятого княжича Чаяна может и не выйти.

Как боги решат, а им наперекор все равно не пойдешь.

Княгиня добавила:

– Я, люди, с волхвами Лады Пресветлой и Макоши, Матери нашей, советовалась, они перед ликами их²¹ резы²² бросали и на воду смотрели! В моих словах воля богинь наших!

Люди кивали, переговаривались, и, кажется, большинство из собравшихся такой расклад одобряли. И в самом деле, Лада уж присмотрит! А то ну их, проклятых этих, пусть даже если их проклятье здоровью и не вредит.

Велька и дышала через раз, боясь пропустить хоть слово. Она тоже была рада. Значит, такой совет дала Даруна княгине? А боярин Мирята вроде как должен быть недоволен, должен возразить, княгиню уговаривать начать, ведь ему-то не должно быть все равно!

Однако боярин огорченным не казался и возражать-уговаривать не стал.

– Добро, княгиня! – тут же сказал он, широко улыбаясь. – Мудро ты решила, свет Дарица Стояновна! Раз уж сама Матушка Макошь и Лада Пресветлая нас в Карияр сопровождать будут и в пути беречь, то это куда как хорошо! Пусть с их помощью Чаяна Велеславна суженого себе по сердцу выбирает, а выбирать, видишь, есть из кого! – он широким жестом указал на притихших княжичей.

Княгиня опять кивнула, и довольная и малость сбитая с толку, потому что не рассчитывала на столь легкую победу. А боярин добавил:

– Мы рады будем, княгинюшка, дочкам твоим. В довольстве станут жить, и уважение им от нас будет всяческое.

– Что ты сказал, боярин? – встрепелась Дарица, а князь лицом потемнел.

И Велька застыла у своего окошка. Потому что боярин вдруг заговорил не о дочке, а о дочках! Неужто лишь оговорился?

– Позволь, князь Велеслав, напомнить уговор твой с нашим князем, – боярин слегка поклонился в сторону Велеслава. – Свидетелей ведь ему было немало, и каких! Князя за столом сидели! И я там был. Ты обещал, княже, хоть всех своих дочек в Карияр отдать, если твой поединщик против нашего не устоит. А если ты слово нарушишь, то пусть Моровая Девка на твоей земле хоть зимует. А боги нашему поединщику победу отдали, помнишь, княже? Так ответь же нам теперь, почему твоя меньшая дочь от нас будто прячется и за стол ни разу не вышла? Или она кривая, что ли, у тебя, и потому ты людям ее не показываешь?

Велька так и застыла, прижавшись к бревенчатой стене сеней, и холодно ей стало, словно зимним сквозняком потянуло. Ох, что наделал родимый батюшка! Да кто же не знает, что такие слова да зазя говорить – это лучше без языка родиться! А раз кариярский боярин за столом, при всем честном народе об этом сказал, то он твердо уверен, что увезет ее, Вельку, в Карияр. Как же теперь не увезти! Князь и слова против не скажет, даже больше того, ему бы ее самому вслед кариярцам отправить да умолять, чтобы не отказывались. Ведь если, Боги сохрани, на самом деле придет злой мор в Верилог, хоть и через десять лет, людей или скотину косить начнет, виноватым станет князь Велеслав, не простит его народ. Своя дружина, свои ближние люди и то отвернутся. Нет, не жить больше Вельке в Верилоге!

---

²¹ Имеется в виду: перед идолами богов в святилище.

²² *Резы* – славянские руны, ныне вроде бы утраченные, однако Гугл с этим не совсем согласен и выдает множество ссылок с полным славянским руническим набором.

Отдыхалась она, выглянула опять в окошко. Тут как раз заговорил князь:

– Зачем тебе, боярин, моя вторая дочь? Она первой не ровня, и молода совсем. И родни знатной у нее со стороны матери нет. И приданое за ней даю не то, что князя порадует. И красотой она против старшей, что воробышек против лебедя. Мало ли, сколько у меня дочек? Может, я всех и не знаю? – он усмехнулся, снова усы погладил. – Мы о первой рядились, а насчет других – так, к слову пришлось. За столом на пиру чего не скажешь! Так зачем? Ты же за старшей моей сюда ехал или я чего не понял?

Велька видела ясно, что отец досаду едва сдерживает.

Ириней дергал боярина за рукав и тоже, видно, был озадачен изменениями в их планах.

– Отдавай и вторую дочь, княже, – твердо сказал боярин, – обещал, так отдавай. Без нее не уедем. Или ты слово держать не хочешь? Так боги... они же все видят, княже! О чем нам спорить! И в самой поре твоя княженка. Позови ее, княже Велеслав. Мы со всей честью просим ее в жены... – тут боярин Мирята несколько запнулся, – сыну князя нашего.

– Так которую тебе позвать-то? – Велеслав усмехнулся, желая подловить боярина на том, что тот не знает толком, чего хочет.

Но боярин как раз все знал.

– А Велью Велеславну, княже, кого же еще. Княженку твою.

А карьерские княжичи все еще недоуменно переглядывались, усмехались. И отец сдался, махнул рукой, тихонько что-то приказал. Волкобой опять ей руку лизнул горячим шершавым языком и исчез, она и не заметила как.

Вельку нашли быстро, словно вся дворня точно знала, у какого окошка она стоит. И переодевать ее наверх не потащили, так, в чем была, вывели во двор, к столам. Впрочем, она нынче оделась пристойно, но не для выхода, не в нарядное, и стояла теперь против Чаяны и впрямь как воробышек против лебедя.

Боярин Мирята с интересом ее разглядывал, явно видя впервые. Отец губы сжал в скорбной гримасе, как будто, дай ему волю, он метлами прогнал бы со двора всех сватов. Княгиня руки к груди прижала. Княжичи... вот кто был удивлен. Ириней даже привстал, а Яробран как рот раскрыл, так закрыть и забыл. Еще бы! Узнали ее в первый же миг. Как они вчера гоготали, вышучивали ее, дескать, в меньшицы к Иринею не хочет девка, только в старшие жены, вот же нахалка! А теперь так и вышло, чтобы идти ей в старшие жены одному из них, княжной быть в Карияре. Одной из княжон, точнее. Просить ее в меньшицы теперь никому и в голову не придет, потому что княжеская дочь. И нужна она им, спрашивается? Что-то на лицах у этих четверых хоть какой-никакой радости не видеть. Зачем настаивал боярин?

Боярин, однако ж, приветливо улыбнулся.

– Ох, радость-то какая! И думать не смел, что такую красу увижу! Ну, Чаяна Велеславна и Велья Велеславна! Слушайте, что скажу, голубки: есть у нас для вас ясные соколы! Прилетели за вами издалека, и нелегко был путь, но он того стоил. И если все решено между нами, то благословите, князь и княгиня, дочек!

Кажется, все и было решено. Принесли две ковриги хлеба, чаши с молоком и с медом, тоже по две. Князь каждую ковригу разрезал на две части, половины ковриг вручили невестам, другие половины – боярину, тот передал женихам. Из чаш с молоком и медом тоже пришлось отпить по глотку. И князь, а потом и княгиня по очереди произнесли чурами еще затвержденные слова благословения – на долгую жизнь, на счастье, и детей чтобы много...

Велька стояла как во сне, верила и не верила. Казалось, того, что происходит, просто быть не может. Ее замуж отдают в Карияр? Это же Чаяну должны были! Та заранее знала, ждала, смирилась, и княжич Ириней ей уже понравился. А ей, Вельке, как теперь быть?!

Впрочем, известно как: послушно делать, что скажут. Ехать в Карияр, чтобы стать женой одному из княжичей. Вот они, до сих пор смотрят, как по головам ударенные. На нее смотрят, не на Чаяну! Это понятно, Чаяна достанется старшему, а один из остальных получит ее. Как

оспаривать-то станут, не в кости же разыграют? Оставят это на суд карьерского князя? Или и впрямь выбрать позволят?

Княгиня ведь право выбирать Чаяне вытребовала, не Вельке.

Отец обнял их по очереди, молча, поцеловал каждую в лоб. Княгиня подошла, тоже сначала обняла, а потом сняла с их голов девичьи венцы – все, они просватаны, они невесты. Теперь в Карияре под повоем²³ волосы спрячут, уже навсегда.

Боярин Мирята, удовлетворенно потирая руки, из ларчика достал два больших платка тяжелого узорчатого шелка и набросил на плечи девушкам – платки свекрови, карьерской княгини, отданные ею, чтобы покрыть плечи будущих невесток в знак того, что принимает она их в дочери, и еще ее благословение и защита в долгой дороге, когда девушки, увезенные из родного дома, останутся без покровительства родных чуров. А чуры нового, карьерского дома их пока не знают и беречь не станут. Одно слово, невестки они пока ничьи, невесть кто. Непростое для девушек время, опасное. Оттого перед отъездом обряды волхвы станут творить чуть не целый день, заговоры петь, заклиная для них легкую дорогу. И лица им закроют, потому что для тех, кто смотрит на этот мир из мира другого, нет их больше в отцовском доме. Но сначала с чурами они попрощаются, с огнем в родном очаге. И песни тоскливые тут станут петь с утра до вечера, такие песни, что только завывать и хочется! Не любила Велька этих провожальных песен, что на краду с такими кладут, что замуж отдают, различий и нет почти. Большой пир-проводы устроит отец, быков самых тучных заколют в святилище – жертва ради легкой для них, невест, дороги. Что ж, волхвам не впервой, они это дело знают.

А у нее-то родной очаг – не тут, а в Сини-веси. Значит, и попрощаться не придется.

Велька провела ладонью по краю свекровиноного платка и заметила, что край был обрезан и не подрублен и даже не обтрепан ничуть. И сам платок на ее плечах не сложен был вдвое, то есть полотнище не четырехугольным было, а о трех углах. Все понятно, недавно разрезали его, от угла до угла, из одного сделал два. Один свой платок вручила сватам княгиня-свекровь, за одной невестой сваты ехали, о второй и не помышляли. Если бы помышляли, дала бы им княгиня хоть два платка, хоть три, не пожалела бы, вряд ли у нее платков недостает!

Не ждут, значит, Вельку в Карияре. Удивятся, наверное.

Так зачем?..

---

²³ Повой – женский головной убор, плотно закрывающий волосы; поверх него может быть надета кика, кокошник.

Глава 6

Сборы в дорогу

Отъезд назначили через седмицу. Кариярцы, дай им волю, уехали бы скорее и налегке, но тут опять княгиня воспротивилась.

– Как княжеские дочери одни поедут, что за позорище будет, боярин? – заявила она. – Подумают люди – холопок везешь! Нет уж, давай делать как следует. И приданое, и подарки возьмете, и боярынь надежных я отряжу, дочек провожать. наших сыновей нет нынче в Верилоче, кому-то из них бы сестер поручить. Ну да мы найдем подходящего человека.

Боярин Мирята такому раскладу что-то не радовался.

– Все так, княгинюшка, все так, – терпеливо твердил он, – однако же, ей-ей, лучше будет, если ты меня послушаешь. Налегке быстрее доедем, проще. Неведомую тропу я знаю, которой только оборотни ходят, они умеют долгую дорогу короткой делать. Так и пройдем, быстро и гладко. Ден в десять управимся. Со мной два десятка людей всего, княгиня, так нам больше и не надо! А если ты пошлешь и кметей, и боярынь, и кибитки, и возы с приданым – это только кружной дорогой ехать. Хоть мы с Лесованью замирились, а шалют ихние люди, заходят. Да и наши разбойничают, бывает. Князь наш каждый год дружину по лесам отправляет лихих людишек гонять. А они – что грибы...

– Это какой-такой тропой ты идти хочешь, боярин? – всполошилась княгиня. – Не надо мне ворожбы, тем паче нелюдской! Боярин, не обессудь, я дочек-невест таким путем не отпущу, хоть что делай, хоть как говори! Торной²⁴ дорогой поедете, а если людей мало, то хоть сотню кметей тебе дадим!

Боярин Мирята только вздыхал, бубнил:

– И невест наших к чему томить долгой дорогой, княгинюшка? Ждут ведь их, мои князь с княгиней, ждут не дождутся! А кружным путем приданое бы и отправить, и всех боярынь твоих в повозках. Княжны, я слышал, обе верхом ездят ловко, так девку с ними в услужение взять бы, и довольно. Уж как мы берегли бы их, княгинюшка!

– Да ты в своем ли уме, боярин? – сердилась Дарица Стояновна. – Отпустить трех девок, двух княжон да служку, с твоими княжичами и кметями по лесам шататься? Как будто увозом²⁵ их взять хотите! Да не соглашусь я на такое, пока жива. И народ не поймет!

Пришлось кариярцам уступить. И то правда, ведь княжьих дочек из отцовского дома забирают, все должно быть по чину, и прибыть они должны достойно, со свитой, с приданым, с подарками. Дружину в сто кметей отец дал. А главным поставил боярина строгого Ждана Горыныча, второго воеводу своего, ему поручил дочерей и обоз в Карияр доставить.

В хоромах только и было разговоров, что об отъезде. А уж беготни, суеты! Впору мышам позавидовать, они в подполе спрятались, и как нету их.

И Велька пряталась, правда, не в подполе, а в своей горнице. Подолгу сидела у приоткрытого окошка и смотрела, виден был заросший травой угол двора, кусты крыжовника, качели. К делам душа не лежала, ни собираться, ни хотя бы шитье или прялку в руки взять. Ни ее дел, ни вещей в этом доме не было. Нет, имелась, конечно, у нее тут своя горница, укладки²⁶ по углам, полные доверху, одежек ворох, с украшениями шкатулочка. Да только с этим и нянька с горничными разберутся, есть кому присмотреть. Домой, в Синь-весь бы съездить, ненадолго, попрощаться со всем, печи своей поклониться, в которой столько лет огонь разжигала, чурам,

---

²⁴ *Торная дорога* – ровная, хорошо наезженная дорога; всем известная, общепринятая.

²⁵ *Взять увозом* – украсть.

²⁶ *Укладка* – большой сундук.

что дом старый берегли-заботились. Хоть не кровная им Велька внучка, там из родных ей только мать и бабка, а остальные родные чуры по материнскому роду где-то далече жили и умерли.

Просилась в Синь на денек, отец не пустил. Послал людей туда за Велькиной лошады, за вещами, что она перечислила. Нехотя перечисляла, и представить было трудно, как чужие руки начнут шарить по бабкиной укладке, по полкам, перебирать то, на что прежде чужим и глядеть не позволялось: бабкины резы в кожаном мешочке, липовые дощечки, резами исчерканные, платок материн из тяжелого чермного²⁷ шелка, по краю золотой нитью шитый, ее крытая черным шелком соболья шуба – нравилась она очень Вельке, ларчик со снадобьями, настойки в бутылках и горшочках – большую часть их она тут оставит, Веруне, та довольна будет.

Отец ее раз к себе позвал, да не куда-нибудь, а вниз, в оружейную. Это, значит, чтобы точно с глазу на глаз поговорить.

Он, отец, невеселый был, уставший. Смотрел на нее исподлобья. Похлопал рукой по лавке:

– Присядь-ка, дочка. Поговорим. Вишь, как оно вышло.

Велька присела. Неловко улыбнулась:

– Ничего, батюшка. Что надо, то пусть и будет.

– Ишь ты, «что надо», – передразнил князь, усмехаясь, и погладил ее по голове, на которой больше не было ни повязки, ни ленты. – Хотел я с тобой обождать еще хоть малость. Про Чаяну с самого начала знал, что решено все, а с тобой надеялся иначе повернуть. Да и бабка твоя запретила тебя далеко увозить. Жениха присмотрел, всем хорош, и ты ему очень уж хороша. Ему такая и нужна, с волхвовской кровью, и сама чтобы в этом понимала. В Елань поехала бы?

Велька кивнула, хотя и не помнила толком еланского князя. А в Елань или не в Елань, какая теперь-то разница?

– Что ж, я о карьерских князьях тоже плохого не знаю, дочка. Кроме их проклятья. Ну и да, вынудили они нас родниться. Не по доброй воле да размышлению, а потому, что язык я вовремя не удержал. От этого, конечно, у меня любви к ним не добавилось. Но что сделано, то сделано. Одно не пойму, откуда они о тебе узнали? Я ведь перед приездом сватов этих к Чародею ездил, чтобы он всему Верилогу насчет тебя уста запер. Он меня уверил, что получилось, никто не проговорится.

Велька только головой покачала, подивилась: сам Чародей помочь согласился! Тот старик, бывший волхв, что ушел от людей и жил в землянке в лесу. Хотя бывают разве волхвы бывшими? Говорят, он все может, но помощи у него лишний раз не допросишься. И что же, не вышло? Согласился помочь и не смог?..

– И еще вот что, дочка. Бабка Аленья ведь все просила замужество твое не откладывать. Дескать, как только поневу наденешь, так чтобы и отдать тебя, иначе плохо будет. Нельзя ждать, чтобы в тебе сила проснулась... ну, какая-то, тебе виднее, я в этих ваших делах не смыслю. Только беспокоилась она сильно, – отец смотрел внимательно, точно объяснений ждал.

– Непонятно что-то, батюшка, – нахмурилась Велька, головой качнула, – не знаю я...

И впрямь, совсем было непонятно. Бабка ее учила всему, что по ее небольшим силенкам. Сетовала, что мало внучка может, объясняла, как малую силу ловчее прикладывать, потому что и малой можно большие дела делать. А пробуждения какой-то большой силы в Вельке она, выходит, боялась?

И чтобы опасная сила эта не проснулась, надо замуж?

– Ну, ладно, – отец рукой махнул, – просто знай, помни. Осторожна будь, оно и обойдется. Я и у Чародея спрашивал, знает ли он, в чем тут дело и чего тебе бояться.

---

²⁷ Чермный – темно-красный, багровый, близкий к бордовому.

– И что он? – вскинулась Велька.

– Да толком ничего. Спросил про тебя кое-что. Посоветовал, чтобы ты с огнем была осторожнее, печку сама не топила.

– С огнем осторожнее? – Велька рассмеялась. – Эх, мне бы самой его повидать. Может, мне бы он больше сказал!

С огнем осторожничать – ей! Смешно. Она никогда не боялась огня, а без осторожности с огнем как можно? Только если совсем человек глупый.

– Еще говорил, что дорога дальняя опасна может быть, но тут от тебя зависит. Будто ты что-то найдешь, а что-то потеряешь. Да разве этих колдунов поймешь, нет чтобы им прямо сказать, а они все крутят! – с досадой махнул рукой князь. – Говорил, что на дороге с силой совладать труднее тому, кто не умеет! Ты умеешь?

Велька на это только плечами пожала. Кое-что – умеет. Не все, конечно. Но такого, чтобы ей чем-то мешала собственная сила, она не помнила.

– Оставить бы тебя до будущего года хотя бы, что ли! Так ведь не могу не отпустить, видишь, как они повернули! И еще он с бабкой твоей согласился, что тебе скорее замуж надо, – добавил князь. – Ну а раз это дело решенное, то и порадуемся. Карияр – тоже земля ветлянская. Ветляне они, как и мы, хоть и живут далече. И язык, почитай, наш, и обычаи сходные. Может, все к лучшему и будет, дай-то Боги Светлые, – заключил он и переменял тему: – А тут еще приходили купцы, лесованские. Знаешь ведь, о чем говорю, подглядывала?

– Подглядывала, – не стала отнекиваться Велька. – Испугалась я, батюшка. Он, главный их, меня своей почти что холопкой называет. Как же так?

– Слышала ведь, что я ответил? Не по нашим законам все то. А вообще, я знал, что Аленья с дочкой сбежала из Лесовани, а мужа ее убили. Это еще до войны со Степью было. Оборотни тогда на одной стороне с нами воевали, а потом, на победном пиру, семнадцать лет назад, мы все спорную чашу распили, прощая друг другу все долги и недоразумения. Так положено, ведь во время войны всякое бывает. Так что еще и поэтому не может у него быть прав на Аленью, если когда и были какие. Да и, понимаешь ты, в моем городе мою дочь своей холопкой называть – это если только жизнь совсем наскучила, – отец усмехнулся.

Велька тоже улыбнулась.

– Тут уж ты, дочь, виновата, – князь посуровел лицом, – тебе бы или держаться сообразно положению, чтобы не всякий и глаза поднять смел, или сидеть тихо, как мышь в норе, если я велел. Вот как Чайанка. Бери пример с сестры. Она-то истинная княжеская дочь, ни с кем не спутаешь. Гляди на нее, как в Карияр поедешь, учись.

– Да, батюшка, – вздохнула Велька, – знаю, что виновата. Прости.

– То-то, – сказал отец мягче, – я ведь сразу за теми купцами людей послал, чтобы взяли их, – доверительно добавил он, понизив голос, – да не успели. Они, оборотни, той же ночью и уехали. А я уж решил, посидит в порубе²⁸ у меня этот прыткий купец, разберусь, кто таков и что за мысли дурные у него в голове засели. А он, вишь, и впрямь прыткий! Воевода обещал всю дорогу тебя беречь, глаз не спускать. Ты ему не мешай, а то знаю тебя!

– Хорошо, батюшка, – не стала спорить Велька.

Да и чем тут возразишь? Уж мешать она не станет, конечно!

– А знаешь, дочка, чего еще я не пойму? – он задумчиво покачал головой. – С условием, что матушка с волхвой придумала, кариярский боярин сразу согласился и бровью не повел. Почему? Не должно ведь князю Веренею быть безразлично, за кого из сыновей вас брать. Ну да я с ним поговорю еще, мутить не позволю...

Велька на это лишь плечами пожала. Заинтересовалась зато:

– Батюшка, а где Лесовань? Далеко от Карияра?

---

²⁸ Поруб – тюрьма, темница, обычно углубленное в землю помещение.

– Сейчас покажу, если хочешь знать, – отец встал, достал из сундука карту на коже, свернутую в трубку и продетую в серебряное кольцо.

Дорогая вещь, по краям золоченая. И рисованная цветными красками – разглядывать одно удовольствие. Развернутая, заняла весь стол.

– Вот, смотри, – палец князя скользнул по рисункам, остановился посреди большого буро-зеленого пятна, – вот Лесовань. Тут несколько княжеств, люди-рыси в них живут, медведи-берендеи, люди-волки, люди-лисы, люди-кабаны еще вроде... вот тех, говорят, мало осталось. Сами-то они свои земли Лесованью не зовут, это у нас так издавна повелось. Да и не в обиде никто. Трехречье вот, это тоже Лесной Край. А вот, ниже – Карияр. Богатая земля, – отец одобрительно кивнул, – железо у них свое, серебро, самоцветы добывают, вот здесь, в горах. Раньше они с оборотнями знай воевали, последнее время вроде замирились.

– А что за проклятье на кариярском князе, батюшка? Не от оборотней, случайно? – не удержалась Велька.

– Так от них, – кивнул князь. – Тетка лисьего князя была сильной колдуньей. Кариярцы тогда волчье княжество захватили, потом лисье. У лисьего князя вся семья погибла, вот колдунья и отомстила. Только вот что, дочка, я с Веренеем, нынешним кариярским князем, во время степной войны много знал, а проклятья никакого не видел. Ты тоже боишься проклятья, которого никому не видно?

– Не знаю, – вздохнув, честно ответила Велька. – Если есть, да не видно, значит, прячут хорошо. Но я его не сильно боюсь, батюшка. Живут же они с ним, с проклятьем.

– И хорошо, умница моя, – отец снова ласково погладил ее по волосам, к груди ее голову прижал. – Хочешь еще карту рассмотреть? Ну, смотри...

Он ушел, а Велька еще долго сидела в оружейной, разглядывая рисунки на карте и разбирая надписи, мелкими резами начертанные. Какой же маленькой казалась эта нарисованная земля, на столе уместилась, и как она велика на самом деле! Вот, от Верилога до Каменца, города, что отец старшему брату в управление отдал, пути седмица. Значит, если прикинуть по этой карте, сколько им добираться до Карияра, то седмиц семь получается. Ох и долго!

Хотя это как посмотреть. И дальше города есть.

Негромкое рычание оказалось таким неожиданным, что Велька вздрогнула. В дверях стоял Волкобой. И откуда взялся? А лучше спросить – где был, если Велька его с самого сговора не видала? Всех кариярцев встречала, потому что за стол теперь приходилось выходить хотя бы раз в день, а Волкобой пропал куда-то.

Про все забыв, она вскочила со скамьи, бросилась, обняла пса, прижалась лицом к его мохнатой шее, а он тут же лизнул ее в щеку.

– Волкобоюшка, дорогой, где же ты был?

Пес, конечно, не ответил, только заворчал тихонько.

– Тебе бы еще говорить научиться, – вздохнула Велька.

– Зачем ему? С ним и так милуются, обнимают, как любимого брата!

Велька, растерянная, вскочила: в нескольких шагах позади пса стоял Ириней.

– Здорова ли ты, княженка Велья Велеславна? – на его губах дрожала улыбка, чуть насмешливая.

– Спасибо, княжич, – склонила голову Велька, – а у тебя все ли здорово?

– Еще бы. Ну, княженка, я вам мешать не стану, вижу, что лишний, – он повернулся, чтобы уходить.

– Постой, княжич! – воскликнула Велька. – Ты не отца ли моего искал?

– Нет. Я за ним пришел, – Ириней кивком указал на Волкобоя, – а он, наверное, тебя учуял, вот и забрел, куда гостям не полагается. Давай уведу? А то еще заметят его тут, нехорошо.

– Уведи, – вздохнула Велька, – иди, Волкобоюшка. Еще увидимся, я тебе косточку припасу, – а сама все продолжала гладить пса по холке.

– Эко ты от него оторваться не можешь, – усмехнулся княжич, – а был бы я твой жених, меня бы так встречала и провожала?

– Что ты, княжич, как можно, прилюдно-то? Да и шерсти у тебя маловато, – Велька нарочито-безмятежно улыбнулась, запустив пальцы в густой собачий мех, – а ты у сестры моей про то уже спросил?

– Что ты, княженка, как можно, – передразнил Ириней, – у меня язык не повернется, – сверкнув на Вельку глазами, он крепко взял пса за ошейник и повел через сени во двор.

Велька смотрела им вслед, кусая губы. На Чаяну Ириней вроде и не глядел, зато та глаз с него почти не сводила, все пытаясь поймать его взгляд. Княгиня право выбора ей дала, так, похоже, сестра и выбрала уже. А вот Ириней...

Ириней и на Вельку перестал глядеть, с тех пор как узнал, что она княженка. Вообще пересел за дальний конец стола, к своим кметям. Только теперь вот заговорил, да с намеками. Кстати сказать, остальные трое княжичей на Вельку тоже не особо внимания обращали, хотя поглядывали, но этак осторожно, искоса, и вроде с сомнением. Никому из них она не нравилась, похоже. Только Иринею, да и то он ее в меньшицы хотел, а теперь будто растерялся. Выходит, в своем тереме ему нужна другая хозяйка-княжна? Может, и присмотрел уже?

А другие двое, Велемил с Яробраном, наоборот, глаза скоро проглядят, княжной-красавицей любясь. Яробран, тот, кажется, и есть при этом забывает. Но их сестра словно не видит. Третий, Горибор, от еды не отвлекается, уминает за обе щеки и все больше боярынями с боярышнями любит.

Как непросто это. Их две невесты на четырех женихов, и в любом случае придется выбирать – и им, и парням. Как же все решится и разделится? Поговорить бы с ними, княжичами этими, и хоть немного понять, что на душе у них, чего хотят?..

В тот же день, незадолго до общего вечернего застолья, Чаяна пришла к Вельке в горницу. Нарядилась ярко, она теперь каждый день словно хотела превзойти себя вчерашнюю. Без повязки на голове, поскольку сговоренная невеста, в новой, лазоревого цвета шелковой верхице, с тремя рядами ожерелий, в которых крупный жемчуг нанизали то вперемежку с хрусталем, то с лалами²⁹, кроваво горевшими на ярком шелке. И коса ее звенела хрустальными бусинами, щеки горели румянцем, а глаза блестели. Влетела в горницу, как северный ветер, посмотрела на Вельку, что сидела, почти готовая, перед раскрытой шкатулкой, скривила губы.

– То не заставить было тебя одеться достойно, а теперь, гляди, и не узнать! – выхватив у Малки из рук Велькино ожерелье из сердолика и янтаря, княжна в сердцах швырнула его на пол.

Малка так и застыла на месте, удивленная донельзя. Велька тоже не сразу нашла, что сказать. Махнула рукой горничной – иди, дескать. Спросила:

– Ты что это, сестрица, не с той ноги нынче встала?

– В тебе и правда девку с болота больше не узнать. А была чернавка чернавкой.

– Что ж. Я ведь не девка с болота. Я княженка, ты помнишь, – Велька старалась говорить спокойно.

И впрямь одеваться она теперь стала по-другому, так ведь следила за этим нянька, сама выбирала в сундуках, что княженке надеть. А самой Вельке было все равно, в чем день-деньской в горнице просиживать да в трапезной иногда показаться.

– Не надевай и это, – Чаяна и другое ожерелье смахнула со стола, хрустальное.

– Что, нехорошо оно мне? – Велька приподняла бровь. – Ну, выбери сама, а я надену.

---

²⁹ Лал – как правило, рубин, но возможно, и красная шпинель, и гранат – самоцветы красного цвета.

– Вот это! – княжна потянула из шкатулки нить стеклянных бусин с потемневшими серебряными подвесками. – Это возьми.

Эти бусины не блестели, а все, что не блестело, Чаяне не нравилось.

– Давай, – Велька взяла ожерелье, хотела надеть, но Чаяна, словно спохватившись, и его выхватила у нее из рук и бросила в шкатулку.

– Нет, оно нехорошо, сама другое возьми!

– Возьму. Ты злиться перестань, – Велька взяла сестру за руку. – Не нужен мне твой Ириней, разве не видишь? И я ему. И никому я там не нужна. И мне – никто.

– Глупая ты просто! – Чаяна села на лавку, закрыла лицо руками. – Не понимаешь ничего. И что же, тебе совсем никто из них не люб?

– Моего любого там нет, – вдруг неожиданно для себя сказала Велька чистую правду.

Потому что и себе она признаваться не хотела, что просыпается под утро, как наяву чувствуя руки Венко на своих плечах, а губы его – на своих губах. Потому что Купала уже прошла, и ничего от нее не осталось, разве что туман над водой.

– Любого твоего? – встрепенулась сестра. – Ты что же, все про купчишку того думаешь? Совсем разум растеряла? Ты не должна, слышишь?..

– Кому какое дело до моих дум? – пожала плечами Велька. – Кому они вредят?

Теперь на ее сердце только и бывало тепло, когда она просыпалась с мыслями о Венко. Не хотелось его забывать, хоть и надо было.

Она сама выбрала ожерелье, хрустальное с сердоликом, всего одно, и серьги вдела в уши маленькие. Улыбнулась Чаяне:

– Ты, сестрица, и так красивей, во что тебя ни наряди. А Ириней как-то сказал, что на тебя глядеть больно, так ты хороша. Может, пошутил. Что, пойдем? – она потянула Чаяну к выходу.

– погоди, – княжна что-то медлила. – Так не нужен тебе Ириней, говоришь? Послушай, сестричка, а ты приворотные заклятья знаешь?

– Нет, – сразу и твердо сказала Велька. – Такого не знаю. Знаю только, что зло это большое, и никогда счастья не бывает от приворота.

– Так уж и не бывает! – недоверчиво пробормотала Чаяна, однако не стала настаивать.

И правильно. Это любая знающая волхва скажет: не бывает от заклятого приворота ничего хорошего...

Глава 7

Белица и Огнява

День за днем пролетели шесть, и настал назначенный. Накануне с самого утра Ладины волхвы творили обряды по отпущению девушек из рода, прощания с чурами и родным огнем, потом родители их последний раз благословили. Велька, по обычаю низко кланяясь, слов отцовских и княгининых почти не слышала, сердце отчего-то стучало испуганной пташкой. Да и, чего там, не по разу все слова уже были сказаны. Отец смотрел нарочито строго, у княгини глаза были красными от слез, но теперь, на людях, она держала себя в руках и даже улыбалась уголками губ. А после благословения отец вдруг взял из чьих-то рук шкатулку маленькую, открыл, показал – она была полна скатных³⁰

---

³⁰ *Скатный жемчуг* – круглый, правильной формы, который «катится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.